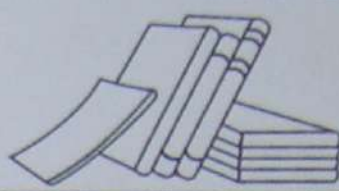
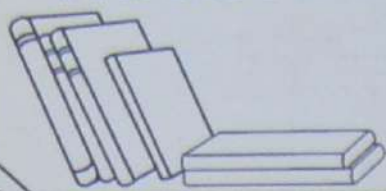

**ПОПУЛЯРНАЯ БИБЛИОТЕКА
ВETERАНА**

БОЙЦЫ ВСПОМИНАЮТ
Серия 3. Пехотинцы от М до Я

Челябинский областной совет ветеранов войны, труда,
Вооруженных Сил и правоохранительных органов

Л.А. Попов

БОЙЦЫ ВСПОМИНАЮТ

Серия 3. Пехотинцы от М до Я

Навстречу 70-летию
Великой Победы

Челябинск 2012

Консультант:
Козлов Евгений Николаевич,
участник штурма Берлина,
почетный председатель Челябинского городского комитета ветеранов войны
военной службы, боевых действий и правоохранительных органов.

Рецензенты:
Белозерцев Анатолий Константинович,
председатель Челябинской областной писательской
организации, член Союза писателей России.

Терехов Алексей Николаевич,
кандидат исторических наук, доцент.

На обложке плакат 1941 года худ. Н. Аввакумова и В. Щеглова.

Текст дан в авторской редакции.

Это нашей истории строки

«Победа СССР в Великой Отечественной войне – великий подвиг Советского народа... Св. 11500 воинов стали Героями Советского Союза, св. 7 млн. награждены боевыми орденами и медалями... Победой в В.О.в. СССР внес решающий вклад в освобождение народов Европы от национального рабства, в спасение мировой цивилизации. Разгром фаши. Германии и милитаристской Японии открыл новые возможности для борьбы народов за мир, демократию, нац. освобождение и социализм... Во Вторую мировую войну было вовлечено 72 государства. В странах, участвовавших в войне, было мобилизовано до 110 млн. чел. В ходе войны погибло 55 млн. чел. (в т.ч. св. 20 млн. сов. граждан)». (СЭС М., 1989. С. 204, 257)

« Общие безвозвратные демографические потери (убитые, пропавшие без вести, попавшие в плен и не вернувшиеся из него, умершие от ран и болезней) во В.м.в. (млн. чел.)

СССР – 8,6	Германия – 4,7
Китай – 1,8	Япония – 2,0
Великобритания- 0,4	Румыния – 0,5
США - 0,3	Венгрия - 0,4
Франция - 0,25	Италия – 0,33
Польша – 0,12	Австрия – 0,25

За время войны агрессоры разрушили в СССР:

1,7 тыс. городов, 70 тыс. сел и деревень, 32 тыс. фабрик и заводов, 84 тыс школ и др. зданий...»

(Н. Шефов. Вторая мировая война 1939 – 1945. М., 2010. С. 402, 381)

«Имея в 3 раза меньше стали и в 4 раза меньше угля, СССР в годы войны создал почти в 2 раза больше боевой техники, чем Германия.» (В.О.в. Советского Союза. М., 1967. С.561)

В своей речи в палате лордов премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль свидетельствовал:

«Большим счастьем для России было то, что в годы тяжелых испытаний Россию возглавил гений и непоколебимый полководец И.В. Сталин... Он был непревзойденным мастером находить в трудные минуты выход из самых безвыходных положений...» (Сталин и современность. Часть 2. Челябинск, 2001, с.35)

«Решающий вклад СССР в победу определяется тем, что более 73% общих потерь немецко-фашистская армия понесла в боях и сражениях с Советской Армией». (История Второй мировой войны. Т.12. М., 1982. С.35.)

ДЕРЖАТЬ ПОРОХ СУХИМ

Михаил Антонович Максимов родился в 1924 году на берегу озера Байкал в селении Баргузин. Работал золотоискателем. Военную службу проходил на Дальнем Востоке в артиллерийском полку. «8 августа 1945 года, — рассказывал он, — наши войска сосредоточились на советско-маньчжурской границе. Ровно в 12 часов ночи одновременно были включены все фары армейских машин и мы двинулись через границу. Почти без сопротивления прошли 120 километров. Были участки, с которых японские пограничники от неожиданного мощного светового потока и громады войск, надвигающихся на них, просто бежали.

На подходе к городу Чанчунь я со взводом управления двигался в конце колонны артиллерийского полка. И вдруг поступила команда: колонне остановиться, занять оборону, приготовиться к бою! Японская пехота атаковала нас с тыла. Мы дружно отстреливались. Винтовочные, автоматные и пулеметные выстрелы слились в один сплошной треск. Японцы применили гранаты, одна из них взорвалась поблизости и оглушила меня. Мне показалось, что в ушах лопнули перепонки. Почувствовал удары в голову, ногу и руку. По лицу потекла кровь. Один осколок попал прямо в пряжку брючного ремня и там, потеряв убойную силу, застрял. «Ну, парень, тебе повезло», — сказали мне в госпитале.

После выздоровления я продолжил службу на Дальнем Востоке и нередко встречался с пленными японцами. Нужно отметить, что в японской армии офицеры и унтер-офицеры много внимания уделяли изучению русского языка, поэтому с ними можно было вести простые беседы. Я спросил одного из них:

— Давно в армии?

— Давно.

— Сколько лет?

— Семь.

— Когда вы начали готовиться к нападению на СССР?

— Мы к этому готовились всегда, — ответил он.

— А вы не боялись, что итог такого нападения для вас окажется плачевным?

В ответ японец только пожал плечами. А я подумал, России ни в коем случае нельзя расслабляться, всегда нужно порох держать сухим».

После войны М. А. Максимов окончил Челябинский госпединститут, Высшую партийную школу. Работал на производстве, был инструктором Еткульского РК КПСС, сельского обкома партии. Перед выходом на пенсию работал в облсовпрофе. А сейчас, несмотря на годы, с увлечением работает в социально-бытовой комиссии Челябинского областного совета ветеранов. В своей работе проявляет точность и аккуратность, характерные для воинов-дальневосточников.

МАКСИМОВ

С самого начала войны я работал электросварщиком в Челябинском управлении «Сантехмонтаж», в бригаде, которая занималась установкой прибывающего с запада на челябинские заводы оборудования. Рабочий день длился по 12—14 часов, со временем тогда не считались. Но по молодости всякое бывало, законы-то знал плохо, проштрафился и попал под суд. Прямо из стен суда, вместе с несколькими другими осужденными, изъявившими желание вместо отбывания тюремного срока искупить свою вину на фронте в штрафном батальоне, нас привезли в Еланские лагеря, под Свердловск. Здесь немного подучили строевой, огневой, политической подготовке — и на фронт.

На передовую ехали долго. За Вильнюсом выгрузились и еще сутки шли походным маршем. Позиция, которую отвели нашему 23-му штрафному батальону, находилась у подножия сопки с крутыми, покрытыми редким кустарником, склонами. На вершине сопки находился враг. Накануне здесь уже были бои, много погибло наших, но выбить немцев с высоты не удалось. Эту задачу возложили на нас. А чтобы иметь меньше потерь, атаку командиры решили провести ночью.

Все это происходило осенью 1944 года, в середине октября, тогда уже быстро темнело. Ближе к полуночи батальон без шума выдвинулся на исходные позиции. На ночном, словно выкрашенном черной акварельной краской, небе ярко горели звезды, и лишь немного сзади нас висел узенький серп луны — единственный источник света. Едва я шагнул в темноту, как наступил ногой на лежавший в траве труп убитого человека. Кто это был, наш или немец, в темноте не разобрать, но у меня тогда сразу сердце как бы окаменело. Потом-то я понял, что это нормальное явление, в таких ситуациях человек как бы твердеет — на смерть, на кровь перестает реагировать. А в тот момент мне было не по себе.

Мы шли друг от друга в метрах пяти - десяти, пригибаясь и прячась за случайные бугорки и кустики. Накануне разведчики поработали хорошо, они указали удобные к высоте подходы. Немцы обнаружили нас, когда мы находились в шагах пятидесяти от их окопов. И сразу высота разразилась огнем, треском автоматных, пулеметных очередей и взрывами гранат. Меня чем-то хлопыстнуло по голове, и сознание тут же отшибло. Но ненадолго. Очнулся на земле. Первое, о чем подумал: «Жив...» Голова кружится, что-то гудит не то в ушах, не то наяву, по лицу течет кровь — значит, ранен в голову. А где наши? Наши уже достигли вражеских окопов. Подбегаю к траншее и я. А дальше... смех

один. Траншея-то узкая, а винтовка со штыком у меня длинная. В траншее такая суматоха — куча мала, даже днем трудно было бы разобраться, где немец, а где наши. Кто-то стреляет, кто-то колотит прикладом. Я прыгнул в самую гущу. Клубок дерущихся отшвырнул и сильно ударил меня спиной о стенку траншеи, кто-то выбил из рук винтовку. И в это время лицом к лицу, грудь в грудь я столкнулся с немцем. И у него в руках ничего нет. А силенка-то у меня была. Я с размаху бац его кулаком, бац еще раз, он выпрыгнул из траншеи и исчез. Чувствую, что-то под ногами мешается, а это, оказывается, моя винтовка. Вот так мы буквально их вытеснили из траншеи и закрепились. Но немцы далеко не ушли. Где-то совсем близко укрылись в темноте, было слышно, как они лопочут по-своему: «Гу-гу-гу...» Потом, вероятно, поняли, что им нас не одолеть, ушли, разговор смолк.

Командир роты собрал нас всех раненых и приказал двигаться в санчасть. Вместе с нами несли раненого командира взвода, хороший он был парень, но ранение получил очень тяжелое, носилок не было, три санитаров несли его на руках. На рассвете, на подходе к санчасти, по нам полоснул кто-то из пулемета. Всем ничего, а мне пуля ногу насквозь прошила. Так за одну ночь я был ранен дважды.

После излечения опять началось переформирование, переобмундирование, перераспределение. На этот раз я попал в нормальную, а не штрафную, часть 207-й дивизии, с ней и прошел до Берлина и Эльбы. Довелось увидеть американцев, они махали нам пилотками, мы им отвечали тем же.

После войны вернулся в Челябинск и работал на старом месте. Ни дети мои, ни внуки не знают, что я был штрафником, и я не хочу, чтобы они об этом знали. Если будешь писать, мою фамилию не называй, назови меня как-нибудь по-другому, например, Максимовым».

Попрощавшись, он пошел не спеша, тяжелой стариковской походкой, в тяжелых кирзовых сапогах, в хлопчатобумажном пиджаке нараспашку, с медалью «За отвагу» на лацкане.

ПУТЬ К ПОБЕДЕ

На Карельском фронте против нас воевало много финнов, но на Мурманское направление немцы бросили только свои отборные части горнострелкового корпуса «Норвегия» в составе двух дивизий, которыми гордились в Берлине, именуя их героями Нарвика и Крита, — так начал рассказ гвардии подполковник в отставке, а в 1941 году — младший политрук Василий Иванович Марьин. И продолжал: — Немецкое командование

спланировало тогда все до мелочей, рассчитывая пройти по Советскому Заполярью триумфальным маршем и овладеть Мурманском за пять суток, еще семь дней отводило своим солдатам на разграбление города. При допросе немецких офицеров выяснилась любопытная деталь: все они имели выданные им перед наступлением пригласительные билеты в мурманский ресторан «Арктика» на банкет по случаю взятия города, то есть в своем успехе захватчики не сомневались.

Наступление на Кольском полуострове германская армия начала 29 июня 1941 года и первую линию нашей обороны прошла почти с ходу. Но в долине реки Западная Лица, километрах в шестидесяти от мыса Мишукова, врага встретили полки 52-й стрелковой дивизии 14-й армии генерал-лейтенанта В. А. Фролова и части морских пехотинцев Северного флота. Развернулось сражение не на жизнь, а на смерть. Атаки и контратаки следовали одна за другой. Пороховым дымом, воплями, грохотом и трупами убитых солдат покрылась долина.

Наша батарея оказалась в эпицентре этих боев. Свои огневые позиции мы оборудовали, хотя и на скорую руку, но со знанием дела. Орудия расположили в окопах с интервалом 30—50 метров. Командир батареи занял место на специально подготовленном наблюдательном пункте, я — на огневом рубеже. Вначале вели огонь с закрытых позиций, но когда немец предпринял что-то вроде психической атаки, перевели орудия на прямую наводку. Враг откатывался назад, выдерживал небольшую паузу, накрывал батарею массированным артиллерийским и минометным огнем и снова шел в атаку. Мы несли потери, но держались. В ходе боя мне самому пришлось встать к орудию, заменив получившего контузию наводчика. Батарея круглые сутки находилась в работе. В это время в Заполярье был период белых ночей, и мы потеряли счет времени. Обстановка складывалась так, что натиск противника усиливался, а снаряды у нас заканчивались. Подвезти же их не было никакой возможности. Пришлось снять с орудий замки и панорамы и отступить в горы. На батарее оставался лишь один наводчик первого орудия Константинов, прикрывавший наш отход. Он один вел огонь до последнего снаряда, а затем, не желая сдаваться в плен, будучи раненным, перерезал себе бритвой сонные артерии. После боев его представили к ордену Красного Знамени посмертно.

Батарея же наша оказалась на нейтральной полосе. Потом мы ее все-таки отбили и конной тягой вывезли на новые рубежи.

Блицкриг на севере у немцев не получился. Бои приняли позиционный характер. Незамерзающий порт Мурманск был спасен.

Во время одного из налетов немецкой авиации бомба разорвалась сзади меня, убив двух лошадей; хорошо, что она не попала в орудийный погребок, я же чудом остался жив. Потом, уже в госпитале, насчитал в своей шинели пять дырок от осколков этой бомбы.

После лечения мне дали направление в дом отдыха и определили дальнейшую службу в запасном полку. Но я и представить себе не мог службу в такое время вдали от своих

7

боевых товарищей. И, положив бумаги в карман, вместо дома отдыха помчался в расположение своей батареи.

За мое отсутствие на переднем крае мало что изменилось. Бои происходили на прежних рубежах с переменным успехом, лишь командный пункт перебазировался на новое место и подошла нам на помощь 186-я стрелковая дивизия, а сама долина стала называться долиной смерти.

Все мы гордились тем, что удалось остановить и измотать врага, и тем, что нашу 52-ю дивизию переименовали в 10-ю гвардейскую. С этого момента мы стали гвардейцами. Позднее, после разгрома немцев в Заполярье и выхода Финляндии из войны, нас перебросили в Прибалтику, а в 1944 году меня командировали в Москву на учебу в военную академию имени В. И. Ленина.

Другим незабываемым событием, связанным с войной, стал для меня Парад Победы на Красной площади в Москве, в котором я участвовал, шел правофланговым в 9-й шеренге сводного полка академий. К параду мы тщательно готовились. Генеральную репетицию проводили на летном поле Центрального аэродрома в районе Ленинградского шоссе. Во время смотра наш полк стоял напротив Мавзолея В. И. Ленина, и мы отчетливо видели всех членов правительства, поднимающихся на трибуну. Очень хорошо выглядел И. В. Сталин. Он не стоял на трибуне, как мумия, а был в движении, разговаривал, смеялся, несмотря на то, что погода в Москве начинала хмуриться. Когда маршал Жуков выезжал из Спасских ворот, стал накрапывать дождь, а во время торжественного марша разразился настоящий ливень. Мы маршировали по лужам на Красной площади, промокшие до нитки.

После парада планировалась демонстрация трудящихся Москвы, но из-за сильного дождя ее отменили. Демонстранты же, изготовившиеся на площадях столицы для шествия, не расходились. Они приветствовали нас, бросали нам цветы, передавали пригласительные билеты и записки от организаций и частных лиц. Один мой товарищ по такому приглашению пошел, познакомился и женился. Жизнь есть жизнь».

После службы в армии Василий Иванович работал на различных руководящих должностях в «Челябметаллургстрое». Он и сейчас не теряет связи со своим трудовым коллективом. Часто встречается с молодежью. Вспоминая о прошедшей войне, с особенной благодарностью отзывается о муромчанах, переименовавших долину смерти в долину Славы, на которой теперь ежегодно в День Победы проводятся мероприятия памяти о бесстрашных бойцах, павших за Родину и положивших тем самым начало пути к Победе.

ВETERAN ВОЙНЫ

Анатолий Андреевич Макаров родился в 1922 году в Кировской области, окончил школу ФЗО и мечтал стать летчиком. Но в военкомате ему сказали: «В летное училище мест уже нет, а вот в пехотное – пожалуйста. — И многозначительно подчеркнули: — Пехота-то ведь царица полей». Такая оценка, данная пехоте бравыми красными командирами с кубиками в петлицах, повлияла на окончательный выбор профессии А. А. Макарова, он стал курсантом Камышловского пехотного училища, где обучение длилось два года. Но в связи с началом Великой Отечественной войны срок обучения сократили до семи месяцев. В 1942 году он уже был на Северо-Западном фронте. «Местность там, в районе Старой Руссы, — вспоминал А. А. Макаров, — лесисто-болотистая. Стреляя на ходу, перебегая от дерева к дереву, мы приближались к селению. Уже показались среди ветвей берез его крайние строения и частокол огородов. «Преодолеем просеку и мы у цели», — подумал я и вдруг почувствовал сильный удар и

8

чем-то горячим обожгло руку. Попытался удержать автомат, но рука, вопреки моей воле, как-то странно стала изгибаться, появилась неестественная слабость. «Сквозное ранение правого предплечья», — поставили диагноз в медсанбате. Полтора месяца находился в госпитале. А за это время вышел приказ И. В. Сталина № 227, которым предусматривалось формирование при штабах фронтов штрафных батальонов из числа осужденных средних и старших командиров всех родов войск и использование их на наиболее трудных участках фронта, чтобы дать возможность осужденным искупить кровью свои преступления перед Родиной. При штабах армий предусматривалось формирование аналогичных штрафных рот из рядового и сержантского состава.

После выздоровления меня вызвали в штаб армии на беседу и сообщили:
— Принято решение вас назначить командиром взвода штрафной роты.

— Но разве я в чем-то провинился? — с удивлением спросил я.

— А на командирские должности мы штрафников не назначаем.

— Но я совершенно не знаю порядки таких подразделений.

— На месте узнаете, — сказал сравнительно молодой генерал в потертом кителе с ярко начищенными пуговицами и дал понять, что разговор окончен.

Штрафная рота формировалась в лесу километров в 15 от передовой линии обороны. Срок пребывания в роте провинившихся определялся трибуналом до трех месяцев. После окончания этого срока оставшиеся в живых возвращались в свои части. В случае получения штрафником ранения в бою считалось, что вина им искуплена кровью и судимость с него снималась досрочно. В моем взводе насчитывалось до 40 бойцов, осужденных в основном за трусость, уход с переднего края и другие воинские преступления. Как в обычных подразделениях мы проводили с бойцами занятия по тактической, строевой и огневой подготовке. Особое внимание уделялось политзанятиям. На политработников и командиров возлагалась задача за короткий срок восстановить в людях пошатнувшуюся веру в себя, пробудить в них инстинкт воина и научить преодолевать страх в бою. Штрафников приводили с передовой под конвоем. Мы принимали их, беседовали с ними и распределяли по взводам и отделениям. Бывало, что конвоиры, вынужденные заночевать в роте, утром, уходя, с удивлением обнаруживали, что доставленный ими осужденный уже с оружием стоит на посту.

Согласно положению штрафные подразделения использовались только при наступлении. Мы, командиры, в бою действовали в общем строю. Единственной для нас привилегией было то, что год пребывания в штрафной роте нам засчитывался за шесть лет военной службы. Обычно перед наступлением роту придавали какой-либо дивизии. Комдив вызывал нас и говорил: «Ребята, вот этот укрепленный пункт нужно взять. Двигаться только вперед. Отступать нельзя». Если тыл штрафной роты прикрывал заградотряд, он пояснял: «За то, что делается у вас сзади, не беспокойтесь. Раненых подберут. Зайти противнику с тыла не позволят. С паникерами же и трусами разговор короткий».

В ноябре 1942 года нашу роту бросили под Демянск. Там шли сильные бои. Чтобы замкнуть кольцо окружения вокруг вражеской группировки, оставалось взять село Васильевщина, которое уже много раз переходило из рук в руки, от него оставались только одни головешки. Располагалось село на возвышенности, а мы заняли позицию у подножья. Впереди три линии обороны врага. Ночью всех бойцов вывели вплотную к переднему краю, предупредили, что утром пойдем в наступление, возможно, при поддержке катюш. Остатки ночи никто не спал. Я еще раз проверил готовность своих солдат к бою. Траншеи глубокие, поэтому каждый боец заранее подкопал для себя ступеньки наверх. Лица у всех сосредоточенные. Кто-то пытался шутить: «Умирать, так с музыкой». На него сразу же прикрикнули товарищи. Думать о смерти никто не желал, а

вот если бы получить нетяжелое ранение, это было бы неплохо. Часов в 5 утра бьет артиллерия. От разрывов снарядов содрогается земля. Взлетает вверх красная ракета. Прошла по цепи команда вперед! И рота мощной серо-зеленой волной выкатывается на поляну. В это время ударили катюши. Реактивные снаряды, оставляя за собой огненный след, летели над головами и казалось, что вот-вот мы попадем под огонь собственной артиллерии. Когда до вражеских траншей оставалось менее 200 метров, артиллерия перенесла огонь по второй линии обороны врага. Немцы не успевают оправиться от артналета и мы без потерь захватываем первую линию траншей. Сразу же атакуем вторую линию, а там дзот, из его амбразуры пулемет посылает длинные смертоносные очереди. Траншея зигзагообразная. Противотанковую гранату до дзота не добросить. «Он же всех здесь нас перебьет», — промелькнула у меня мысль. Почти машинально хватаю гранату и

бегу по извилистым ходам сообщения, стараюсь как можно ближе подойти к дзоту с тыла. Выглядываю из-за бровки, вижу, входной проем в дзот закрыт одеялом. Обеими руками швыряю туда гранату. Гремит взрыв. В ушах что-то зазвенело, но звуков работающего пулемета не слышно. Пулемет замолк. Это значит, брошенная граната сделала свое дело. Вижу, как мои люди во весь рост бегут к полуразрушенному дзоту. Ну, думаю, задание мы выполнили.

К вечеру нас сменила туркменская бригада. Штрафную роту отвели в тыл для подготовки к следующему бою, оставаться в обороне ей не полагалось. В одном из последующих боев погиб заместитель командира по строевой части. Меня назначили на его место. А еще через некоторое время эту должность сократили, и я оказался в резерве. А там, узнав, что я командовал штрафниками, назначили меня командиром роты офицеров резерва, а через два месяца — стрелковой роты. Я посчитал за честь исполнять такое поручение и старался оправдать доверие командования. В феврале 1943 года противник, отступив за рощу, закрепился на высотах. Где и какие он развернул оборонительные сооружения на новом месте, никто не знал. Мне дали группу в 25 человек, усилили ее двумя саперами, двумя разведчиками и приказали провести разведку боем с задачей захватить пленного. По белому снегу, ночью, построившись в колонну по одному, мы бесшумно, словно белые призраки, двинулись по направлению к переднему краю. Как только луна выплывала из-за облаков, мы ложились в снег, прикрывая собою черные тела автоматов. Выжидали, когда она вновь пряталась за облака, поднимались и шли вперед. Как только вступили в рощу, то снег под ногами почему-то стал скрипеть еще сильнее. А среди деревьев затаился выдвинутый вперед секрет противника.

— Хальт! (стой!) — послышался окрик, и тут же пулеметная и автоматные очереди разорвали тишину, заставив нас закопаться в снег. Бойцы лежали не шелохнувшись, боясь обнаружить себя, и ждали от меня команды. Пули, словно бритвой, срезали ветви деревьев над головами. Поднимать в таких условиях людей в атаку — значит погубить их, отступить — значит не выполнить задание. Лихорадочно размышляя что делать, я вспомнил, как мы в училище на учебных занятиях разбирали подобную ситуацию, командир тогда пояснял нам, что в таких случаях нужно выделить часть людей для отвлечения противника, а остальным продолжать выполнять задание. Вспомнив об этом, я почувствовал в себе уверенность и самообладание вернулось ко мне. Одно отделение с пулеметом я послал в обход противника. Когда немцы обнаружили, что их обходят, прекратили стрельбу и бежали. Но через несколько минут враг обрушил на всю площадь рощи шквал артиллерийского и минометного огня. Мы, оказавшиеся на противоположной кромке рощи, вновь попали в сложную ситуацию. Сзади нас роща вся в огне, впереди — колючая проволока, минные поля и неизвестность. Луна, как назло, очистившись от облаков, повисла над передовой как большой фонарь. У меня появились раненые. А немец бьет и бьет. Связался по телефону с КП. «Забирай раненых и отходи», — последовал приказ с командного пункта.

10

Выбравшись из-под огня, в подавленном состоянии шагал я докладывать командиру. Задание не выполнено, пленного не захватил, четыре человека ранено, ну куда еще хуже. Но комполка, прервав мой доклад, сказал: «Знаю. При обстреле противником рощи мы засекли все его огневые точки, а это главное, что требовалось от вашей группы. Отдыхайте». Утром, после артподготовки, наш полк перешел в наступление. Я в числе первых ворвался во вражескую траншею, ногой выбил дверь в блиндаж и столкнулся с немцем, он был безоружен, обезумевшими от страха глазами смотрел на меня и лопотал: «Гитлер капут, Сталин гут». «Что же с ним делать? — подумал я и решил, что это и есть тот самый «язык», которого я должен был взять вчера. Показав немцу на выход, повел его на КП. Идти-то было метров 150, но усилился минометный огонь. Услышав вой мин, мы

прыгали в воронку: то пленный первым, а я за ним, то я первым, пленный за мной. Какие «язык» дал сведения командованию – мне неизвестно, но за этот бой меня представили к ордену».

На пути к победе А. А. Макаров был еще раз ранен. День Победы над Германией встречал в эшелоне, идущем на Дальний Восток. Участвовал в войне с Японией. Был награжден орденами Красного Знамени, двумя Красной Звезды, Отечественной войны, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги» и другими. После войны служил в различных частях Дальневосточного военного округа, затем в Челябинском облвоенкомате, возглавлял Брединский райвоенкомат. Уволившись в запас, еще 27 лет работал на ЧТЗ инструктором парткома, затем в штабе Гражданской обороны. По-настоящему ушел на пенсию в 2000 году. Несмотря на 80 с лишним лет, он выглядит бодро, сохраняет армейскую выправку, участвует в работе музея боевой и трудовой славы школы № 35, который признан одним из лучших школьных музеев города Челябинска. И продолжает возглавлять совет ветеранов 371-й стрелковой дивизии, направляя деятельность совета на достойную встречу 60-летия Победы в Великой Отечественной войне.

ИЗ УЧИЛИЩА В ГВАРДИЮ

Малахов Шавкат Мухамедгалиевич родился 20 февраля 1925 года. Весной 1942 года окончил 9 классов и работал в совхозе трактористом. Сельские механизаторы в то время все ушли на фронт, технику осваивать приходилось самостоятельно. К началу уборочной кампании он отремонтировал старый комбайн и на нем работал в поле. В сентябре приезжает на полевой стан директор МТС чем-то озабоченный. «Шавкат, – говорит, – тебя призывают в армию» – и подает повестку. Военкомат направил Ш. М. Малахова учиться в Уфимское пулеметное училище. Он познавал военное дело с большим интересом, но окончить училище не успел.

12 июля 1943 года на Орловско-Курской дуге советские войска перешли в наступление. С севера ударная группировка, в которую входила наиболее укомплектованная 11-я гвардейская армия генерала И. Х. Баграмяна, прорвала оборону противника, продвинулась на юг до 70 километров, создав угрозу важнейшей коммуникации врага – железнодорожной магистрали Орел–Брянск, но понесла большие потери. Немцы спешно стали стягивать к участку прорыва дополнительные силы и замедлили продвижение советских войск. И. В. Сталин, переговорив по телефону с командующим фронта В. Д. Соколовским и с командармом И. Х. Баграмяном, пообещал направить им в пополнение 25 тысяч хорошо обученных бойцов. В число этих бойцов попали курсанты военных училищ, включая Уфимское пулеметное училище. Так Ш. М. Малахов неожиданно оказался на участке прорыва 11-й гвардейской армии – в 20 километрах от населенного пункта Хотынец. «Накануне наступления, – вспоминал он, – к

11

нам в роту пришел парторг, а мы же все комсомольцы и как один в этот день подали заявление о приеме в партию. На другой день нам приказали провести разведку боем. Мы, примерно 120 человек, выдвинулись к обороне противника. Накануне здесь уже были бои. В траве в разных позах лежали десятка три сраженных наших бойцов. Один из них, старшина без лица, в лицо ему попала разрывная пуля, был еще жив и слабым голосом стонал: «Ма-ма...»

Ползком незамеченными мы достигли 1-го ряда колючей проволоки, лежа прорезали в ней проходы, достигли 2-го ряда колючки. И вот тут немцы, обнаружив нас, всполошились и открыли ураганный огонь. Свист пуль, осколки мин и снарядов, земля словно встала на дыбы. Гляжу – рядом со мной шесть курсантов, и все убитые. Поступила команда отойти на 30 метров и занять оборону. Отползаю назад, скатываюсь в воронку, а

тут уже наши курсанты, на бровке работает пулемет. До темноты держали здесь оборону. А потом оставшиеся в живых 11 курсантов из 120 отступили. Возвращаемся в полк, а нас спрашивают: «Где остальные-то ребята?..»

Надо сказать, что в училище нас готовили опытные командиры, поэтому мы быстро вписались в закономерность фронтовой жизни. Страх, что убьют, почему-то не было, все стремления были сосредоточены на выполнении заданий. И все же, когда ты находишься в ячейке и на тебя с пронзительным воем пикирует вражеский самолет, то ноги невольно сами собой подгибаются. 31 декабря 1943 года мы ходили к немцу за «языком». «Язык» взяли, но я получил ранение в ногу. Когда санитары помогли мне снять валенок, то из него высыпалось 7 пуль.

Второй раз меня ранило в голову во время наступления в Латвии. Врачи несколько осколков вытащили, а один до сих пор сидит в височной части. Наиболее тяжелое ранение я получил в марте, тоже на территории Латвии, вероятно снайпер меня подкараулил. Пуля адресована была прямо в сердце, но попала в металлическую пуговицу, слегка изменила направление, пробила оба легких и вышла наружу. До опушки леса я полз по канаве. Далее шла дорога, а под дорогой водосточная труба. Вначале я хотел проползти по трубе. Но подумал, застряну там и никто меня не найдет. Встал и, как пьяный, пошел через дорогу. Ко мне подбежали санитары, уложили в лодку, запряженную четырьмя собаками. И собаки быстро понесли меня через заболоченные участки в сторону санбата. Я слышал, как разорвался снаряд, как взвизгнула и упала одна собака. Оставшиеся собаки продолжали исправно тянуть лодку. Собаки-то тоже воевали и погибали, как люди.

Из медсанбата меня переправили в госпиталь латвийского города Ренда. Там я прошел полный курс лечения. Дело шло уже к выписке. И мы решили с товарищем сходить в центр города, где возле костела латыши отмечали какой-то праздник. Вдруг из подъезда дома выбегает старшина, как сумасшедший, подбегает ко мне и кричит: «Лейтенант, Победа! Война закончилась!»

После войны Ш. М. Малахов окончил институт, приехал в Челябинск и работал в строительных трестах № 42 и «Челябгражданстроя», где прошел путь от мастера до начальника стройуправления. Строил ТЭЦ-1, больничные корпуса больниц ЧТПЗ, ЧТЗ, ЧЭМК, 17 общеобразовательных школ и множество жилых домов. Выйдя на пенсию, возглавлял совет ветеранов 11-й гвардейской армии, участвовал в организации музея боевой славы в школе № 15, ставший центром патриотического воспитания молодежи и местом встреч челябинцев-гвардейцев.

ВОСПОМИНАНИЯ СТАЛИНГРАДЦА

Кавалер ордена Красной Звезды Георгий Витальевич Марьин, подполковник в отставке, многие годы работавший заместителем начальника цеха механизации Челябинского металлургического завода, выйдя на пенсию, с увлечением занялся сбором

12

материалов по истории 120-го полка 39-й гвардейской стрелковой дивизии, в котором в 1942 году под Сталинградом он принял боевое крещение. Был ранен. Осколок в области поясицы, доставшийся ему в том бою, долго напоминал о себе, и лишь в 1967 году хирурги заводской медсанчасти мастерски удалили его. Собранные материалы Г. В. Марьин обработал в добротном литературном стиле. В результате чего получилось повествование солдата о давно прошедшей войне. Ниже следует отрывок из его воспоминаний.

«Сталинград остался для меня незабываемой волнующей страницей прожитой жизни. До мельчайших подробностей помню я сегодня, как развивались события 23

августа 1942 года. Массированный налет немецких самолетов напоминал тогда гигантский рой пчел, висевший над городом. Город покрылся пожарами и дымом. Мы в это время закрепились в 5 км севернее Сталинграда. И только одна забота терзала нас: где взять боеприпасы? Патроны мы заимствовали у товарищей, иногда просто воровали их друг у друга. Не было ни одной гранаты в то время, когда против нас шли танки. Много раз поднимались в атаку, отвоевывали участки Сталинградской земли и вновь откатывались назад.

День 4 сентября 1942 года начинался как обычно. Сильно хотелось есть. Наконец прибыла с большим опозданием полевая кухня, а в это время поступила команда «Вперед». Наступление начиналось успешно. Немцы, уклонившись от рукопашной схватки, уходили. Пулеметчик Турыгин непрерывно вел по ним огонь. Я, будучи его вторым номером, заряжал диски, вставляя патроны в рамку, отводил пружину, да так, что у меня начали кровоточить пальцы. Чтобы не попасть под огонь минометов, мы часто меняли позиции. Но немец нас все-таки минами обложил. Меня словно молотом ударило по позвоночнику, пронзила резкая боль в области поясницы. Перед глазами поплыли красные и синие круги. Отнялись ноги, но через минуту-две чувствую, что они вновь слушаются меня. Подполз к Турыгину, в него попало несколько осколков, перебило обе ноги. Вначале из боя мы выползали вместе. Я помогал ему, как мог. Но потом чувствую, что силы оставляют меня, наклонил ветку полыни, привязал к ее верхушке тряпку, опустил ветку и таким образом, обозначив место, где оставался Турыгин, пополз дальше один. Уже начало темнеть, и вдруг вижу: бежит, пригнувшись, в маскировочном халате какой-то человек. Халат на нем явно не наш. А у меня кроме штыка, висевшего на поясе, ничего нет. Я притворился убитым. Незнакомец пробежал мимо. Продолжая ползти вперед, я наткнулся на одиночный окоп с множеством стреляных гильз от немецкой винтовки. Наверняка здесь сидел вражеский снайпер, вероятно он и повстречался мне в маскировочном халате.

Шум боя стал затихать, когда подъехала ко мне санитарная повозка. Меня и Турыгина доставили в полевой госпиталь. Положили на стол животом вниз. Осколок в один квадратный сантиметр, перебив два ребра, поднялся вдоль позвоночника сантиметров на десять, поэтому врачи искали, но не могли найти его. От боли я стиснул зубы. Перед глазами, как в тумане, белела занавеска из простыни. Занавеска качнулась, и я увидел две бочки, доверху заполненные ампутированными конечностями, а два санитаря перегружали отрезанные руки и ноги в мешки.

Когда нас отправляли в тыловой госпиталь, вновь слышались отдаленные звуки боя, вой самолетов, над Сталинградом поднималось столбом облако черного дыма. До победы еще было очень далеко».

ВОСПОМИНАНИЯ СЕВЕРОМОРЦА

22 июня 1941 года в 4 часа утра в городе Полярном, где располагалась главная база Северного флота, неожиданно раздался раскатистый гул множества взрывов. Это немецкие самолеты сбросили на советскую территорию первые бомбы, одновременно, они совершили налет на города Мурманск и Кандалакшу. Так началась на севере война. Немецко-фашистские захватчики были настолько уверенными в своих силах, что еще до перехода границы СССР запланировали на 20 июля 1941 года в Мурманске свой военный

парад и банкет в ресторане «Арктика». Но на их пути встали войска Красной Армии, Северного флота и все население советского Заполярья.

Подполковник в отставке Адольф Константинович Митин, подростком встретивший войну в тех краях, рассказывает:

«Перед войной я жил в поселке Умба на Кольском полуострове, учился в школе, на другой день после нападения Германии на СССР с одноклассниками прибыл в райком комсомола с просьбой отправить на фронт. В райкоме ответили, что на сей счет еще нет никаких указаний, да и лет нам еще маловато. Однако пообещали, что если обстановка потребует — учтут нашу просьбу.

Новый учебный год мы — девятиклассники начали с сознанием обязательного участия в защите своей Родины, для этого считали своим долгом хорошо подготовиться к предстоящей борьбе — сдать нормативы и получить значки: «Ворошиловский стрелок», ГТО, ГСО, ПВХО и другие. Когда в поселке стал формироваться истребительный отряд для борьбы с десантом и диверсантами врага, мы немедленно вступили в него и периодически прочесывали окрестности. Но враг не попадался, если не считать вынужденную посадку немецкого бомбардировщика, подбитого под Кандалакшей, экипаж которого был пленен и отправлен в Мурманск.

Ежедневно, слушая радио и читая газеты, мы узнавали о разворачивающихся на фронте событиях, о героических подвигах советских людей и кровавых злодеяниях врага, отчего крепло желание принять личное участие в разгроме захватчиков. А после ухода моего отца на фронт я твердо решил последовать за ним. Но как? Кто-то подсказал: «Нужно бежать на передовую, а там не откажут...» Выяснил, что для этого нужно иметь специальный пропуск в зону боевых действий. Обратился конфиденциально к знакомому милиционеру с просьбой помочь осуществить задуманное. Он обещал. И вскоре пропуск был у меня в кармане.

В декабре 1941 года, когда на Кольский полуостров опустилась полярная ночь и грянули морозы, я последний раз сходил в школу, мысленно простился со своим классом и на следующее утро тайно, подхватив заранее подготовленные санки с продуктами, бельем, железной банкой для отпугивания волков и другими необходимыми в пути вещами, пешком двинулся к ближайшей железнодорожной станции Кандалакше, находившейся на расстоянии 111 километров от поселка.

На небе висела большая желтая луна, она словно двигалась следом за мной, освещая единственную дорогу, по которой лишь несколько раз в неделю проезжала упряжка почтовых оленей. В местах, где дорогу заметало снегом, ориентировался по специально установленным вешкам или нащупывал ногами твердую полосу дороги. В лесу было идти проще, так как путь пролегал через просеку. Шел я быстро, почти бежал, опасался, что из поселка за мной организуют погоню, да и зверей побаивался. Несмотря на мою выносливость спортсмена-лыжника, к концу дня стала сказываться невероятная усталость. Обрадовался, когда вдаль увидел огонек. Это оказалась избушка, в которой останавливались обозные и погонщики оленей по пути в Кандалакшу и обратно. Хозяева избушки, узнав о том, что я иду на фронт, отнеслись ко мне с сочувствием, разрешили

обогреться, немного вздремнуть, посоветовали, как лучше идти дальше и дали на дорогу большой кусок оленьего мяса. Надев свои валенки, отцовскую морскую шинель и буденовку с красной звездой, я вновь зашагал через мрак полярной ночи. Поздно вечером второго дня пути вышел к Кандалакше. На железнодорожной станции было много дыма, пыхтели паровозы, возле вагонов толпились красноармейцы. Я пробрался в один из вагонов-теплушек и спрятался под нары, надеясь таким образом доехать до района боевых действий. Под нарами было очень холодно и ужасно трясло.

Чтобы согреться, вынужден был ворочаться. Красноармейцы шорох слышали и извлекли меня из «тайника». Но эшелон уже шел полным ходом и им ничего не оставалось как обогреть меня у камельки (железной печки) и накормить солдатским обедом. В пути поезд постоянно маневрировал, так как подвергался бомбежкам, а артиллеристы-зенитчики, находившиеся в соседних вагонах, отгоняли воздушного врага, не давая ему прицельно сбросить бомбы.

К моему разочарованию эшелон вместо передовой линии фронта прибыл в Мурманск, где красноармейцы вышли из вагонов, построились в колонну и, чеканя шаг, ушли. Я остался стоять на перроне один. Что-то нужно было делать. Пришлось устроиться матросом на мотобот «Пилот» служебно-вспомогательного флота Мурманского порта. Наш небольшой деревянный корабль, с командой 5—7 человек, ходил к морским транспортам союзников, доставлял лоцманов, корреспонденцию и другие грузы. Однажды, возвращаясь на свой бот, я попал под бомбежку. Какой-то красноармеец рывком затянул меня под железнодорожную платформу и тем спас мне жизнь, так как совсем рядом разорвалось несколько бомб, разворотив угол здания диспетчерской порта, в которой в это время находился известный полярник Герой Советского Союза И. Д. Папанин. Он чудом уцелел, а вот его служебная машина, стоявшая у подъезда, была превращена в груды металлолома.

При налете вражеской авиации в целях безопасности наш бот отходил в глубокие воды. Но и там осколки авиабомб и зенитных снарядов дырявили судно. Однажды, когда я находился в кубрике, крупный осколок прошел в 3—5 сантиметрах от моей головы, прошив насквозь борт корабля. В другой раз небольшой осколок вонзился мне в щеку. Но особенно неприятный случай произошел где-то в марте 1942 года, тогда меня и еще одного матроса взрывной волной выбросило за борт, а наш мотобот, получив новые пробоины, стал еще больше пропускать забортную воду. После этого случая его поставили на ремонт.

В июле 1942 года, когда мне исполнилось 18 лет, получил, наконец, я повестку на флот. Секреты воинского мастерства познавал в г. Ваенга (ныне Североморск). На трудности, недоедание (на обед нам отводилось до пяти минут, причем обедали без ложек и кружек), недосыпание (отдыхали на голых нарах) мы не обращали внимания. Возраст молодой был, настроение боевое, оптимизма хоть отбавляй, а песня — наша спутница: «Вставай страна огромная...» вдохновляла, и хотелось как можно лучше и быстрее пройти военную подготовку и влиться в боевые расчеты.

После принятия военной присяги меня направили в зенитно-прожекторную часть, стоявшую в районе Кольского залива и включили в расчет П. Д. Хатуницкого, в котором службу несли замечательные краснофлотцы комсомольцы Панкратенко, Михальченко, Рельдугин, Савиных и другие. Началась напряженная служба в суровых условиях Заполярья с частой сменой боевых позиций, располагавшихся, как правило, на вершинах сопков. Отдыхали между сменами в брезентовых палатках, в пропитанной влагой одежде, которая в морозы согревала плохо. В основные мои боевые обязанности аэроакустика входило: по команде «пулей лететь» к звукоулавливателю, на ходу одевая специальный

15

шлем, к которому затем подключались два звукопровода от локатора, разворачивать штурвалом установку, направляя локатор на звук летящего самолета, добиваться одинаковой слышимости в обоих наушниках, определять и передавать координаты воздушной цели. При этом нельзя было отвлекаться, поддаваться страху и панике, ведь звук пикирующего бомбардировщика и падающей бомбы локатором многократно усиливался и казалось, что в этот миг все бомбы падают на тебя.

В перерывах между налетами мы до автоматизма тренировались определять типы самолетов по небольшим видимым их частям фюзеляжа, крыла, хвостового оперения и чуть слышному звуку мотора. Такая служба изматывала физически. Но все трудности и невзгоды казались тогда мелочью перед достижением главной цели — изгнания захватчиков с родной земли. Во имя чего всегда хотелось совершить что-то более важное, героическое, поэтому, когда началось сражение под Сталинградом, я, как и многие краснофлотцы, два раза подавал рапорт с просьбой отправить меня на берега Волги, но оба раза получал отказ, так как в то суровое и ответственное время при рассмотрении подобных просьб предпочтение отдавалось только коммунистам...»

В июле 1944 года А. К. Митина, как отличившегося в боях краснофлотца, направили на учебу в военно-морское училище. Закончив его в 1947 году, он продолжал службу на дважды Краснознаменном Балтийском флоте, а с 1960 года — в штабе 19-го корпуса ПВО, располагавшегося в Челябинске. В настоящее время Адольф Константинович продолжает работать в Челябинском областном штабе гражданской обороны и чрезвычайных происшествий. Его ратный путь отмечен восемнадцатью правительственными наградами, из которых самой дорогой для себя он считает медаль «За оборону Советского Заполярья», являющуюся символом его боевой юности, проходившей в огне великой войны на Севере.

ПОРОДНИВШИСЬ С НЕБОМ

Осипова Виктора Федоровича в 1940 году, после окончания 10-го класса, призвали в армию и направили учиться в Рижское военное пехотное училище. Летом 1941 года, когда началась война, училище эвакуировали в г. Стерлитамак. Но и на новом месте В. Ф. Осипову не удалось завершить учебу. Осенью из курсантов Стерлитамакского, Рязанского и Владимирского военных училищ сформировали 30-ю особую стрелковую дивизию и перебросили ее под Москву. «Здесь, в районе г. Химки, — рассказывал В. Ф. Осипов, — мы устанавливали малозаметные противопехотные препятствия, под снегом, 15–20 см от земли, натягивали проволоку и закрепляли ее. Затем контролировали рязанское и серпуховское шоссе, ловили паникеров, дезертиров, задерживали определенные группы лиц, пытавшихся вывозить из столицы с целью наживы ювелирные изделия и другие ценности.

Морозы в тот год стояли крепкие. Сама природа ополчилась против оккупантов, но и нам доставалось не меньше. Бывало, выкопаешь в снегу ямку до земли и в эту ямку спать ложишься. Правда, белье на нас было теплое, ватные костюмы, шинель и масхалаты. Однажды, совершая глубокую разведку, мы проникли на 30 км в тыл к немцам. И в маленькой деревушке обнаружили штаб вражеского полка. Понаблюдали. Убедившись, что охрана штаба слабая, атаковали его и перестреляли всех гитлеровцев. А при осмотре штаба обнаружили три с половиной миллиона советских денег тридцатирублевыми купюрами красноватого цвета с изображением в овале В. И. Ленина. Забрали деньги, три мешка штабных документов и двинулись в обратный путь. И уже на своей территории

немцы нас обстреляли. Мина, пролетев над головами, попала в стоящее впереди дерево. Я почувствовал сильный удар в плечо, появилась кровь, пропал слух. «Ранение и контузия», — такую запись в моей медицинской карте сделали врачи.

После лечения в госпитале, приняв во внимание уровень моей физической подготовки, комиссия направила меня продолжать службу в воздушно-десантные войска. Вновь начались напряженные дни занятий на земле и в воздухе. В один из учебных

прыжков с парашютом с борта бомбардировщика ТБ-3 я с карабином за спиной, тогда автоматов еще было мало, покидал самолет через нижний люк и застрял в нем, зацепившись прикладом и мушкой карабина за края люка. Повиснув над бездной я не знал что предпринять. Штурман подошел к люку, спокойно стукнул алюминиевым молотком по стволу карабина, он чуть-чуть сдвинулся, и я полетел вместе с ним вниз.»

Это был один из первых прыжков В. Ф. Осипова из самолета. А в 1943 году он уже в качестве командира взвода ВДВ участвовал в крупном десантировании за Днепр, в районе г. Канева. Затем принимал участие в освобождении Украины, Румынии, Венгрии, Австрии. День Победы встретил в Чехословакии. После войны работал на Челябинском трубопрокатном заводе на различных инженерно-технических должностях. Числился на хорошем счету. Но породнившись на фронте с небом, он не мог без него представить свою дальнейшую жизнь, поэтому в свободное от работы время продолжал заниматься парашютным спортом в Челябинском аэроклубе. И еще многие годы, обняв небеса руками, испытывая ни с чем несравнимое чувство радости от свободного падения, он в затаенном прыжке словно парил над родными просторами. А потом, раскачиваясь на стропах парашюта, любовался красотами земли, которые можно охватить взглядом только с высоты.

На его счету 190 парашютных прыжков. В настоящее время он является почетным ветераном воздушно-десантных войск, удостоен медали «Десантное братство», возглавляет Челябинский городской совет ветеранов ВДВ. И, несмотря на свои 87 лет, Виктор Федорович продолжает оставаться надежным и добрым наставником юных парашютистов школы № 8, в которой имеется созданный при его участии музей воздушно-десантных войск, работает парашютная секция, где юноши и девушки овладевают навыками парашютного спорта и получают первую в своей жизни путевку в небо.

ОТ ПАРАДА ДО ПАРАДА

В яркий солнечный день, накануне 9 мая мы с Иваном Николаевичем Петровым нашли скамейку в тени деревьев недалеко от бывшего кинотеатра ХХХ лет ВЛКСМ. Присели. И он начал рассказывать обещанные ранее воспоминания о наиболее памятных эпизодах Великой Отечественной войны.

«Нас призвали в армию в 1941 году,- начал он свой рассказ, поправляя шляпу на голове,- и привезли в Узбекистан в пограничные войска. После окончания курсов молодого бойца мы готовились первый раз в своей жизни выступить на охрану Государственной границы СССР. Но ночью прибыл представитель из штаба с директивой, согласно которой весь наш батальон немедленно погрузили в эшелон и привезли в Москву, в 1-ю Московскую дивизию внутренних войск имени Ф.Э. Дзержинского, где нам объявили: «Раз вы пограничники поручаем вам патрулирование по городу».

Настроение у москвичей преобладало в те дни тревожное. Немцы стояли в 70 километрах от города. Их самолеты не раз бомбили столицу. Поговаривали, что правительство и товарищ Сталин уже уехали из Москвы. 7 ноября в 5 часов нас подняли

17

по тревоге, построили и скомандовали: «Шагом марш!». А куда? Неизвестно. Остановились мы на улице Куйбышева, при входе на Красную площадь. Догадались, что будем участвовать в параде, посвященном 24 годовщине Великой Октябрьской Социалистической революции. Раннее утро 7 ноября было светлым и морозным. Но в 6 часов начался сильный снегопад. Крупные снежинки, как хлопья ваты, словно на

парашюте падали сверху, подгоняемые все усиливающимся ветром. И будто вязаной занавесью закрыли от нашего взора Мавзолей Владимира Ильича Ленина, Спасскую башню с красной звездой. А сам Кремль принял вид необыкновенно сказочного замка.

В 8 часов из-под Спасской башни галопом на коне выскочил на просторы Красной площади С.М. Буденный, принял рапорт от командующего парадом генерала П.А. Артемьева. Вместе они совершили объезд войск. Грянул духовой оркестр. И начался парад, его открыли курсанты минометно-артиллерийского училища. Мы же начали марш вдоль здания ГУМА, у исторического музей повернули налево и вышли на парадную прямую. Я шагал в последнем ряду справа, приклад длинной винтовки со штыком неудобно колотил мне по ноге. И вдруг почти совсем рядом я на трибуне Мавзолея увидел Иосифа Виссарионовича Сталина живого, спокойного, родного, как будто только что сошедшего со страниц школьного учебника. От удивления и радости, что Сталин с нами, он никуда не уехал, а значит, мы победим, у меня перехватило дыхание. Из всех сил я старался держать равнение и не осрамиться. При виде товарища Сталина на трибуне сил и бодрости у каждого из нас увеличилось в десятки раз.

У собора Василия Блаженного нас ждали автомашины, на них мы отбыли на передовую линию фронта. Там женщины и подростки сооружали противотанковые рвы. Нам определили место для оборудования позиций. Было очень холодно, поэтому мы врезались в мерзлый грунт от всей души, чтобы согреться, копая для себя окопы и траншеи. Ближе к утру, траншея была готова. Где-то далеко за облаками послышался гул самолетов и еще через какие-то мгновения мы увидели прямо над собой около ста куполов парашютов. Это немцы выбросили десант для ведения диверсий в нашем тылу. Они не знали, что площадка, облюбованная ими ранее, уже занята нашим батальоном. Мы же не знали, что к нам, таким образом, пожалуют «гости». Командир подал команду: «По воздушным целям, огонь!» Треском винтовочных и пулеметных выстрелов огласилась наша оборона. Некоторые парашюты разрывались напополам и парашютисты камнем падали на землю. Воздушных диверсантов мы почти всех перебили в воздухе. А потом живых и раненых собирали на поле и отправляли в тыл.

5 декабря 1941 года, когда наш батальон находился уже за Галицино, рано утром на рассвете я увидел, как поднимается из-за горизонта ярко багровый диск солнца, окрасив соседние облака в оранжевый цвет. А потом мы услышали гул множества авиамоторов, но не впереди, а сзади, со стороны Москвы. Смотрим, а это несметное количество наших самолетов, закрыв весь небосклон, летят бомбить позиции врага. И почти до вечера продолжалась эта круговерть. Отбомбившись, самолеты, возвращались, обратно, брали новый груз и вновь поднимались в воздух. Так мы узнали о начале контрнаступления советских войск под Москвой. Авиация поработала так, что когда мы-пехота, пошли вперед сопротивления почти не встречали. Заняли деревушку. Мне и Коле Митрофанову поручили проверить отдельно стоящий сарай. Мы открыли дверь. В сарае солома, а под соломой кто-то шевелится, и вылезают оттуда три немца. Вид у них более чем бледный. Под соломой они, вероятно, пытались согреться. Пальцы у них скручены от мороза. С трудом, подняв руки, они бормотали: «Капу, капут».

В ходе контрнаступления под Москвой я дошел почти до самого Ржева. В местечке,

где река Руза впадает в реку Москва, мы переходили по льду на лыжах на другой берег. Неожиданно рядом разорвался снаряд, и я очутился по грудь в воде. Стою и не могу понять, что со мной произошло. Спасибо санитарке, забыл ее имя. Доброго ей здоровья если она жива, а если нет, то царство ей небесное. Она проскочила на берег первой и подала мне лыжу, помогла выбраться из воды. Мороз тут же сковал мою одежду, и я оказался, как в скафандре. От полученной в этом эпизоде контузии я долго не мог выговаривать слова и долго лечился в госпиталях. А после выздоровления вернулся в свою часть».

Продолжая службу, И.Н. Петров участвовал в боевых операциях на Кавказе в Крыму, ликвидировал бандформирования бендеровцев в Западной Украине. Бендеровцы с приходом немцев активно сотрудничали с оккупационной администрацией. Боясь возмездия за содеянное, одни из них отступили с немецкими войсками, другие ушли в леса и, несмотря на окончание войны, нападали на колхозы, убивали их председателей и активистов, совершали налеты на советские учреждения в городах. Свои вылазки они совершали ночью, а днем отсыпались в так называемых схронах, в подземных жилищах, тщательно замаскированных в лесу. «Наша задача заключалась в том,- продолжал Иван Николаевич,- чтобы найти эти схроны, арестовать их обитателей, а в случае оказания ими вооруженного сопротивления уничтожить. Однажды нашли в густом лесу такой хрон. Подали команду, чтобы его обитатели выходили наружу без оружия с поднятыми вверх руками. Ответа не последовало. Тогда мы бросили во внутрь схрона гранату. Граната задымилась, но не взорвалась. И почти тут же мы увидели, как у выхода из хрона показалась детская головка. Оказывается, к обитателю схрона в этот день пришла его жена с ребенком. А тут мы нагрянули. И тогда отец-хозяин этого убежища, чтобы спасти себя и семью, поднял маленького мальчика высоко на руках, зная, что советские солдаты в детей не стреляют. И, прикрываясь ребенком, вышел наружу, следом за ним вышла его жена».

До 1948 года И.Н. Петров продолжал служить в армии. Был первым запевалой в роте. А последней точкой в войне он считает парад Победы 24 июня 1945 года на Красной площади в Москве. В этом параде он тоже участвовал, но уже в качестве линейного. Он помнит, как мимо него проследовали на конях блистательные сталинские полководцы Г.К. Жуков, К.К. Рокоссовский и как торжественно проплывали над площадью знамена всех фронтов. «Но для меня пиком парада,- продолжал И.Н. Петров,- была церемония особого батальона, 200 воинов которого, звеня орденами и медалями, несли опущенные до земли трофейные знамена и штандарты. И в 11 часов 25 минут под резкую дробь 80 барабанов с презрением бросили их к подножью Мавзолея В.И. Ленина на специальный деревянный помост, уложенный так чтоб не осквернять символами поверженного рейха брусчатку Красной площади. В этот миг восторгались победители на трибунах, суетились иностранные гости. А дождь все лил и лил, не ослабевая. И мне казалось тогда, что это не дождь, а слезы детей, оплакивающих своих отцов, отдавших жизни за Родину».

После военной службы И.Н. Петров окончил музыкальное училище в городе Ростов-на Дону и работал в Филармонии. В 1956 году приехал в Челябинск и 46 лет работал в Челябинском театре оперы и балета артистом хора. Сейчас он на пенсии. У него большая мечта чаще видеть своих детей и внуков, но внуки его живут в Москве. Вроде бы не далеко, но цены на железнодорожные билеты перечеркивают все желания и стремления пенсионера. Иван же Николаевич не теряет надежду и верит, что настанет

время, когда россияне, все без исключения, опять по своей собственной стране будут ездить свободно, как и прежде. Такой уж он – фронтовик, оптимист.

НА МАНЬЧЖУРСКОЙ ГРАНИЦЕ

Иван Максимович Попов, работавший до 1941 года директором школы № 1 в Верхнеуральске, был призван в армию в самом начале войны и проходил службу на Дальнем Востоке рядовым бойцом. В 1946 году, возвратившись с фронта бравым старшиной, работал преподавателем в Белорецком ремесленном училище и часто делился воспоминаниями о войне и военном времени.

«В первый год войны, — рассказывал он, мы сидели в одиночных окопах на расстоянии метрах в 100 друг от друга. Японцы на маньчжурской границе вели себя вызывающе. Кричали нам бранные слова, размахивали шашками, показывали задницу и даже заезжали на нашу территорию, а мы имели строгий приказ не поддаваться на провокации. После Сталинграда японцы безобразничать перестали. Притихли.

Летом 1945 года к нам стали прибывать войска с запада. Лихие, прошедшие через пекло боев, красноармейцы выглядели героями. Бывали случаи, когда послушав рассказы о нашей службе на границе, они, подогретые спиртом, со словами «И это вы здесь так жили?», заводили боевые машины и крушили пограничные укрепления японцев. А со стороны японцев — ни одного выстрела. Они молчали, как мы в 1941 году.

Больше всех завидовал фронтовикам ефрейтор Семенов. Его беспокоило то, что кончится война с Японией и ему придется возвращаться домой без наград. А дело к тому и шло, так как мы обслуживали наземные объекты летной части и в прямые контакты с противником не вступали. Однажды, во время передислокации в Маньчжурии, мы вдруг увидели, как между сопок скачет в нашу сторону эскадрон японцев. Быстро приготовились к бою. Но поступила команда не стрелять. Японцы выбросили белый флаг. Подскакали. Остановились вблизи. К нам подъехали двое, используя разговорники, мы поняли, что японцы просят нас взять их в плен. Возиться же с ними в планы командира не входило, и он приказал Семенову проводить японцев в соседнюю пехотную часть.

На другой день Семенов вернулся радостный и сияющий. «Вы знаете, — рассказывал он, — привел я пленных, а там – наш генерал. И он распорядился наградить меня орденом».

После войны я встречал Семенова в Челябинске. Он работал шофером. На лацкане его пиджака красовались орден Красной Звезды и медаль «За победу над Японией».

СЛУЖУ РОССИИ

Среди многочисленных наград Евгении Николаевны Пустозеровой особо выделяется знак «Отличный повар», выданный ей продфуражотделом 53-й армии в 1943 году. Родилась она 13 декабря 1919 года в селе Большое Шемятино в Татарстане. С раннего детства работала на полях: вязала снопы, серпом жала овес, косила сено, заготавливала на зиму дрова. Война застала ее в г.Тетюши. «Мужики один за другим уходили на фронт, — вспоминала Е. Н. Пустозерова, — а мы, бабы, заменяли их в тылу: копали рвы, переносили камни, как бурлаки, таскали по Волге баржи. В один из таких трудовых дней пришло письмо от мужа моего Бориса. Он проходил срочную военную службу в Куйбышеве и сообщал, что его отправляют на фронт, просил приехать попрощаться. Но мой начальник задержал меня на работе, и я на попутном пароходе добралась до Куйбышева, когда

Бориса в полку уже не было. Мне передали от него письмо. Я прочитала его, заплакала и побрела обратно на пристань. А вскоре пришло с фронта извещение, что Борис пропал без вести. В 1942 году меня тоже призвали на фронт и с группой девушек привезли на сборный пункт в Осташково. Там нас переодели в мужскую военную форму и распределили по воинским частям. Я попала на почтовую базу. Сортировала солдатские письма и отправляла их адресатам. В мае 1942 года «вышел из строя» на базе повар и меня назначили на его место. Получилось так, что в должности повара передвижной почтовой базы я прошагала через всю войну. Сейчас уже кое-что позабылось, но многие фронтовые эпизоды забыть невозможно, они как осколки застряли в памяти. – Евгения Николаевна помолчала немного, о чем-то раздумывая, и продолжила рассказ: – Солдатскую почту с базы увозили только ночью в кузове автомашины-полуторки. И однажды, это было на окраине Бухареста, полуторку протаранил немецкий танк. Капитан, сидевший в кабине, каким-то образом выпрыгнул в кювет и остался жив, а шофера Зеленина танк раздавил в лепешку. Останки шофера доставили к нам на базу, а потом почтальоны увезли его хоронить. Я же на базе осталась одна готовить обед. Вдруг вижу – прямо на меня летит самолет. Я отбежала в сторону и залегла возле металлической ограды. И почти тут же последовали оглушительные разрывы бомб, полетел град осколков. Я лежала и от страха старалась закопаться в землю, царапая ее ногтями. Когда же все стихло, хотела встать, но чувствую, что не могу. Поползла по-пластунски. Потом встала на ноги, меня колотило, как в лихорадке.

В чехословацком городе Брно в один из обычных дней я села возле окна писать письмо. В соседней комнате за перегородкой шла сортировка писем. Вдруг раздался страшный взрыв, и я оказалась в небытии. А когда очнулась, поняла, что валяюсь на улице, взрывной волной меня выбросило из окна. Сколько я там пролежала, не знаю. А когда вошла в сортировочную, все смотрят на меня большими глазами и спрашивают: «Женя, что с тобой? Ты белая, как бумага».

В Братиславе мы располагались в жилом доме. Ночью, когда хозяйка дома – старушка, спала на кровати, а я разместилась на черном рояле, вдруг началась стрельба. «Наверное, нас окружили», – подумала я. Вышла на улицу. Вижу солдат бежит, спрашиваю его:

– Что это за стрельба? Мы в окружении?

– Да какое окружение. Война закончилась.

Я вбегаю в дом и кричу: «Война кончила-а-сь!» Наши почтальоны в кальсонах выскакивают на улицу и палят вверх из автоматов. Вдруг появился комендатский патруль. Спрашивают: «Кто стрелял?» И забрали наших почтальонов в комендатуру. Потом отпустили.»

За отличные боевые действия на подступах к Бухаресту, за форсирование Дуная, за участие в освобождении 15 городов Европы и за форсирование Большого Хингана в войне с Японией Е.

Н. Пустозерова удостоена 18 благодарностей Верховного главнокомандующего И. В. Сталина.

«Большой Хинган мы дважды форсировали, – продолжала рассказ Е. Н. Пустозерова. – В Монголии оказались в период пыльных бурь. Однажды я поставили кипятить чай, а в результате в кастрюле наполовину оказался песок. Чтобы укрыться от пыли обед решили готовить в подвале какого-то строения, дымохода в нем не было. Я надела противогаз и продолжала работу в противогазе. На обед пришли наши командиры и вместе с ними высокий военачальник в черном плаще, это оказался маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский. Пообедав, он спросил командиров:

– Для кого вы готовили этот обед?

– Для солдат, – последовал ответ.

– Для солдат? – переспросил маршал и добавил: – За такую службу повара следует представить к награждению орденом Красной Звезды.

Сказать-то сказал, а наградить меня этим орденом так и не наградили», – завершила свой рассказ Е. Н. Пустозерова, и в ее словах прозвучали нотки обиды. После войны она продолжала службу по своей специальности в ЧВВАКУШе. В настоящее время активно участвует в работе клуба «Боевые подруги» и в совете ветеранов ЧВВАКУШа. Как патриотка, много сделавшая для своей страны, она переживает за все то, что происходит в настоящее время в России. «6 января 2008 года, – с негодованием рассказывала она, – я слушала по радио ответы на вопросы адмирала Балтина. Какие сильные он привел доводы. Я плакала от досады, узнав, какими же мы были доверчивыми, когда голосовали за Ельцина, он ведь не только Севастополь и Крым пропил.»

13 декабря 2008 года председатель областного совета ветеранов ВВС Ю. В. Лукьяненко от имени ветеранов-авиаторов поздравил Е.Н.Пустозерову с днем рождения и вручил ей приветственный адрес и памятный подарок. «Служу России!» – как всегда бодро, по-военному, ответила Евгения Николаевна. Она и сегодня продолжает участвовать в работе совете ветеранов войны.

ПЕРЕКРЕСТОК

(Рассказ кавалера ордена Александра неевского В.Е. Пятышева)

Этот бой у перекрестка дорог остался в моей памяти навсегда. Несмотря на то, что с тех пор прошло 60 с лишним лет, я отчетливо помню все его детали. Перед началом наступления к нам в 165-ю стрелковую дивизию приезжал командир 96-го корпуса, побеседовал с командным составом, отметил, в частности, что наша дивизия, сформированная в Челябинской области (ныне Курганской) и укомплектованная уральцами, значитесь в корпусе лучшей. Мне тогда поручили готовить роту к прорыву вражеской обороны. Погода была снежная, холодная. До начала артподготовки мы копали ходы сообщения поближе к позициям противника. Бой длился четверо суток днем, и ночь. Мы захватили три опорных пункта обороны гитлеровцев, далее оказались минные поля. Это осложнило выполнение задания. И все-таки мы прорвались к четвертому опорному пункту. Но попали там в окружение. И вместо наступления, нам пришлось отбиваться в обороне. Гитлеровцы не жалели ни людей, ни снарядов, чтобы уничтожить, растоптать нас танками. Все кругом гудело и трещало. Моя рота «таяла» на глазах. Рядом с нами сражалась рота свердловчанина, забыл его фамилию. Я послал к нему связного с предложением: «Выводи роту ко мне, меньше потерь будет». «Свердловчане» начали перебегать в нашу траншею. Танки противника открыли по ним огонь. Один снаряд попал прямо в командира роты. От него ничего не осталось. Приходит сообщение от командира полка: «Не можем к тебе пробиться...» Немцы же проникли в нашу траншею и уже в траншее в разных местах произошли рукопашные схватки. Трое гитлеровцев прыгнули в траншею почти рядом со мной. Но бойцы опередили их, срезав автоматными очередями. Немцы, по-видимому, определили место расположения командира и решили меня взять живьем, – подумал я. Они наседали, стало отчетливо слышны их голоса. И тогда я вызвал огонь артиллерии на себя. Чтобы не попасть под снаряды своих мы побежали вдоль траншеи. От разрывов снарядов, теперь

уже нашей артиллерии, земля тряслась и ходила ходуном. Огонь-то на себя я вызвал, но у артиллеристов не было точных координат нахождения моего КП, и они перенесли огонь по немецким танкам. Над полем боя стелился сплошной дым. От треска и грохота заложило в ушах, в воздухе появились наши самолеты. Даю команду указать им направление удара выстрелом из ракетницы красной ракетой. Летчики разглядели, что мы в окружении и нанесли удар по немецким танкам. Стало полегче. Немцы на какое-то время затихли. Я собираю оставшихся в живых людей, и мы вновь идем в атаку. Захватываем, наконец, четвертый опорный пункт немецкой обороны. А через некоторое время вижу, как по ходам сообщения спешит нам на помощь подкрепление. Напряжение спало. Все мои бойцы испытывали в тот момент ужасную усталость. У всех преобладало одно желание, упасть и отдохнуть. Меня вызывает комполка Юрьев. Результатами боя он доволен, говорит: «Наша разведка обнаружила у немцев еще одну подготовленную к бою позицию, к утру, они планируют ее «обживать». Комдив приказал занять эту линию обороны прежде, чем туда подойдут немцы. Поэтому покорми людей и с наступлением темноты выходи для захвата этого рубежа. Там, у перекрестка дорог, должна быть немецкая застава. Если встретишь посты противника, старайся их уничтожить». И мы грязные, потрепанные боем пошли.

Ночь. Тишина. Падает снег. Впереди у перекрестка видим силуэты солдат, которые покинув траншею, прыгают возле дерева, толкают друг друга, пытаясь согреться. Сомнений не было, это немцы. Своему ординарцу по фамилии Коза, бывшему учителю немецкого языка, хорошо знавшему немецкий язык, даю команду, чтобы он погромче разговаривал на немецком языке на отвлеченные темы. Немцы, услышав знакомую речь нашего Козы, ждут, когда мы подойдем ближе. Разглядеть ночью кто мы таки трудно. Я останавливаю роту у обочины дороги, а сам в сопровождении Козы продолжаю движение. Вижу, как возле одного из немцев крутятся другие. Наверняка это их командир. Идем прямо к нему. И прежде, чем он что-то понял, я обхватываю и швыряю его на обочину, в сторону моей роты. Командую, огонь и мы падаем в снег. Мои бойцы перекатываются по снегу и занимают траншею противника. Затаскивают с собой и их командира. Даю команду Козе допросить пленного, а сам организую огонь по врагу. Немцы поняли, что попали впросак и попытались восстановить положение. Но мы-то оказались в траншее, а они на виду. У немцев переполох. Неожиданно с тыла из-за деревьев выскочил немецкий кавалерийский отряд и ринулся прямо на наш пулемет. Погибло много с обеих сторон. Но многие всадники все же перескочили нашу траншею и скрылись в ночи. Как потом мы узнали, это немецкие конники вырывались из окружения и были охвачены паническим настроением.

Коза к этому времени допросил пленного и доложил: «Этот пленный, с которым мы поступили не по джентельменски, является командиром стрелковой роты, сокрушается, говорит какой нахал ваш командир, я полевропы прошагал, а он меня обманул, как мальчишку. И спрашивает: «Он убьет меня?»»

- Скажи ему, что он нужен нам живым,- ответил я.

К утру подъехали верхом на лошадях комполка с взводом разведки.

- Это ты столько накошил?- спрашивают, указывая на трупы оккупантов, валяющиеся в снегу, - а какие у тебя потери?

Я доложил, как положено, с надеждой, что комполка отправит нас на отдых и мы, наконец-то, отоспимся, как следует. Но комполка поставил нам новую задачу:

- Отдыхать нет времени, впереди узловая желдорстанция. Бери в помощь взвод разведки и вперед. Задача – не дать оккупантам опомниться и к полудню эта станция

должна быть в наших руках.

Тяжело ступая по снегу, утомленные боем, грязные и потрепанные бойцы В.Е. Пятышева вновь двинулись по чужой польской земле на запад, навстречу неизвестности. Никто из них не хотел думать, что наступающий рассвет короткого январского дня для кого-то из них будет последним.

В январе 1945 года близ города Модлин командир роты захвата Валентин Егорович Пятышев получил восьмое по счету ранение, в результате которого стал инвалидом и возвратился в Челябинск. Как ветеран Челябинского спорта он не пал духом. Боролся за жизнь. Находясь в корсете, разработал для себя комплекс физических упражнений и добился положительных результатов, вернулся к трудовой деятельности. До выхода на пенсию долгое время работал в системе оргнабора рабочих и возглавлял челябинский клуб кавалеров ордена Александра неевского. 19 августа 2009 года ему исполнилось 86 лет. Несмотря на возраст он по-прежнему бодр. Ежегодно вместе с женой Екатериной Ильиничной участвует в демонстрациях 1 мая и 7 ноября. Продолжает заниматься историографией 165-й Седлецкой стрелковой дивизии, в составе которой прошел через войну. Собирает и бережно хранит материалы и реликвии этого славного соединения. «Для того чтобы помнили потомки о нас и, как защищали мы Россию», - сказал он, заканчивая свой рассказ, и крепко на прощанье пожал руку. До 65-летия Победы оставалось уже менее года.

ОГНЕННЫЕ ВЕРСТЫ РОДЯКИНА

Лагерь для пересыльных советских военнопленных был сооружен наспех, на скорую руку. Поляна, огражденная колючей проволокой, четыре породистых овчарки, часовые с автоматами и никаких строений, кроме избушки с охранниками.

Настроение у гитлеровцев, охранявших лагерь, в тот день было приподнятое, вероятно, они праздновали очередную победу. Из избушки доносились смех и песни. Переводчик, выйдя на крыльцо, бросил в сторону пленных: «Сейчас привезут вам продукты, пообедаете и зашагаем дальше». Продукты действительно привезли. Пожилой, давно небритый мужчина въехал на своей лошаденке на середину поляны и вытряхнул из коробушки морковь. «Это ваш обед, по одной большой или по две маленьких морковки на душу», — пояснил переводчик и засмеялся. Возчик, разгрузив морковь, развернул свою телегу и двинулся в обратный путь. И вдруг один из военнопленных, небольшого роста, больше похожий на мальчишку, чем на солдата, сильно прихрамывая, отделился от толпы и сел на телегу сзади. Возчик сделал вид, что его не заметил. Из избушки охранников вышел офицер. «Работали, морковь привозили», — пояснил ему возчик. Офицер, не торопясь, поправил парабеллум на поясе и, указывая на выезд, пробормотал: «Гут, гут». Возчик хлестнул лошадь кнутом, и телега, подпрыгивая на кочках, покатила в сторону леса.

Отъехав от лагеря километра на три, когда телега затерялась среди деревьев, возчик повернулся, наконец, к солдату:

- Ну, ты живой? Испугался?

- Да мне ведь все равно, меня, так или иначе, пристрелили бы, идти-то не могу, в ногу ранен, — последовал ответ.

Помолчав, возчик добавил:

- А ты знаешь, что бы они со мной сделали, если бы решили проверить, кто ты есть на

самом деле?

Так молодой пограничник комсомолец Иван Родякин избежал фашистского плена. Об этом и о том, как земля горела под ногами, когда он выходил из окружения, о тяжелых боях, госпитале, Сталинграде и опять госпитале вспоминал он в тот памятный день, когда совсем неожиданно раздалась команда: «К бою!». Немецкие танки пытались прорвать оборону. С опушки заработала наша артиллерия, захлопали противотанковые ружья, застонала земля, покрывшись градом осколков.

«Пропустить танки! Отсекай пехоту!» — пролетела по цепи команда. И в это время головной «тигр», резко изменив курс, устремился прямо на окоп, где только что Родякин с товарищами радовались наступившему затишью между боями.

- Приготовить гранаты! — скомандовал старшина. «Тигр» с визгом и грохотом влетел на бруствер окопа, пересек его и, остановившись, стал медленно поворачиваться на месте влево, вправо, стремясь обрушить стенки окопа и раздавить его защитников. Стенки не выдержали, земля с головой поглотила солдат. Но не успел танк отойти от бруствера и пяти метров, как из земли, словно с «того света», во весь рост, без каски, весь в глине поднялся старший сержант Родякин и яростно швырнул гранату под гусеницы. Вздрогнула земля, и замерла стальная машина с белыми крестами на башне. Экипаж спешно пытался покинуть ее, но тут же был расстрелян автоматчиками из соседнего окопа.'

За это сражение И. В. Родякин был награжден орденом Красной Звезды. Больше ему не приходилось отступать, он шел вперед за запад. Оставив свою подпись на стене рейхстага в Берлине, вернулся в родные края.

Долгие годы Иван Васильевич Родякин работал в «Коксохимстрое» плотником. Незадолго до оформления пенсии к нему в бригаду пришел работать его сын Владимир. Иван Васильевич передал ему свой именной плотничный топор, ножовку и со спокойной душой ушел на отдых. Династия же строителей Родякиных продолжалась.

ВETERАН ГВАРДИИ

Гвардии старший сержант в отставке Тихон Федорович Сапожников – кавалер орденов Отечественной войны, Красной Звезды, Славы 3-й степени, двух медалей «За отвагу», медали «За боевые заслуги» – родился 23 августа 1921 года. Спустя более 60 лет после Победы, когда ему шел уже 86-й год, он согласился поделиться воспоминаниями о давно ушедшей в историю Великой Отечественной войне. И начал свой рассказ с Яско-Кишиневской операции, которая советским командованием готовилась долго и особенно тщательно. «В войсках в тот период шла усиленная партийно-политическая работа, – вспоминал Тихон Федорович. – Во всех подразделениях проходили партийные и комсомольские собрания, замполиты проводили беседы с командирами, командиры – со своими подчиненными. В результате таких мероприятий мы, бойцы, осознавали главное: за что воюем и во имя чего отдаем свои жизни, а Красная армия становилась непревзойденной по сплоченности и силе духа своих солдат и командиров. И все-таки подняться в атаку под пули врага всегда было важнейшим моментом в жизни солдата. Бывало, перед боем, о чем только не передумаешь, и о родителях, и родных местах, и о смысле жизни. Вот и я в ночь с 19 на 20 августа 1944 года долго не мог заснуть. Перед глазами пролетали, как в кадрах кинохроники, родительский дом в селе Дубровное Мишкинского района, железнодорожная школа, после окончания, которой я работал вначале проводником, потом бригадиром пассажирского поезда. Мне нравилась эта

работа, нравилось путешествовать на колесах, любоваться из окна вагона величием своей Родины и чувствовать себя причастным к гигантским свершениям, происходившим в те времена в СССР. В 1940 году меня призвали в армию. Служба начиналась на Дальнем Востоке в воинской части, расположенной на высоком берегу Амура, откуда мы часто вечерами наблюдали, как багровый диск солнца медленно уходит за горизонт, на запад, откуда мы приехали и где сейчас полыхает война с фашизмом.

В 1941 году я вступил в партию. А в 1942 году с группой добровольцев отбыл на Западный фронт, где уже сражались с врагом мои старший и младший братья. Вначале нас привезли в Подмоскowie, а оттуда направили в 10-ю гвардейскую воздушно-десантную дивизию, вышедшую из боя для пополнения. В ее составе, освобождая от захватчиков землю своего Отечества, я прошагал и прополз на животе не одну сотню километров. На двух сколоченных между собой бревнах форсировал Днепр. Проходил разрушенные и сожженные селения, от которых оставались лишь печи да трубы. Однажды на марше мы увидели впереди сидящего у дороги человека. Подумали: «Кто это?» Подошли ближе. А это оказалось, что какие-то шутники, молодые ведь тогда все были, усадили труп немецкого унтер-офицера, нагребли перед ним кучу земли, и получилось так, как будто гитлеровец обнимает руками эту кучу, а на ней табличка с надписью: «Загребаю Украину». А, вообще-то, немцы разные были. Как-то под Старой Руссой партизаны приволокли к нам эсэсовца, так он вместо ответов на вопросы командира кричал: «Хайль Гитлер!» С ним не стали возиться и повесили. Другой бедолага, вероятно не спавший несколько суток, вечером принял нашу полевую кухню за свою, идет за ней с пустым котелком и что-то бормочет на своем языке. Его отвели и сдали командиру.

Однажды в разведке мы подошли к маленькому селению. Вдруг из окна крайнего дома выпрыгивает гитлеровец и стремглав несется к кукурузному полю. Другой гитлеровец появляется в дверях, мы его здесь и уложили. Оказалось, что два оккупанта заставили хозяйку дома подоить корову и сварить им манную кашу. Только каша-то не им, а нам досталась.

Незаметно я уснул. Разбудил меня грохот начавшейся артподготовки. Это наши орудия, установленные по 240 стволов на каждый километр фронта, начали огневую подготовку в глубину до 6 километров. А затем поднялись мы, пехотинцы, охваченные единым стремлением как можно быстрее, пока противник не пришел в себя от артоналета, захватить первую, а затем вторую и третью линии обороны врага. У первой траншеи появились грязные, чумазные от копоти немцы, с поднятыми вверх руками они шли в нашу сторону. Но нам было не до них. Захватываем первую линию обороны и сразу же штурмуем вторую. Я тогда был помкомвзвода. Первым заскакиваю в траншею. Противника не видно. Бегу по траншее, положив палец на спусковой крючок своего ППШа. Траншея зигзагообразная, устроена по всем правилам военной науки. И вдруг за очередным поворотом лоб в лоб, грудь в грудь сталкиваюсь с немецким офицером. Он почти в упор стреляет в меня из пистолета. Я нажимаю на спусковой крючок и срезаю его автоматной очередью. Пуля же фашиста попала в ложу, деревянную часть автомата, отколовшаяся щепка вонзилась мне в руку. Я не сразу увидел на рукаве кровь. Слышу команду: «Броском к третьей линии обороны!» Покидаю траншею. И тут же оглушительным хлопком разрывается мина. Резкая боль пронзила ногу. Заскакиваю в воронку. Снимаю сапог, рубашку, разрываю ее на части и использую вместо бинта, натягиваю вновь сапог. Помогаю перевязать рану молодому солдату. Автомат в руки и вперед к третьей траншее. А в ней уже наши ребята завершают рукопашную схватку. Пленных уводят. Задача, поставленная командиром роты, выполнена полностью. На

другой день армейская газета посвятила мне почти полстраницы, рассказывая, как я, раненый, не оставил поле боя, помог раненому бойцу и завершил операцию вместе со своим взводом».

Рассказывая, Т. Ф. Сапожников разволновался от нахлынувших воспоминаний, почувствовал себя неважно. «Я больше не могу, – тихо сказал он, – потом, как-нибудь в другой раз, я продолжу рассказ». И мы расстались с ним до следующего раза. Пройдя с боями от Старой Руссы, через Орловско-Курскую дугу, Украину, Молдавию, Румынию, Болгарию, Югославию, Венгрию он закончил войну в Австрии в г. Грац, имея девять благодарностей от Верховного главнокомандующего И. В. Сталина. После демобилизации вернулся к мирному труду. Работал там, куда направляла его партия. Обзавелся семьей. Жил в разных городах Союза, но всегда какая-то неведомая сила влекла его в г. Челябинск, где жил и работал его брат. Он приехал к брату, купил дом недалеко от площади Павших, а потом, как инвалиду войны, ему выделили благоустроенную квартиру в новом Северо-Западном районе. До выхода на пенсию он работал полировщиком на радиозаводе. Теперь воспитывает 7 внуков и внучек и трех правнуков. Часто встречается с молодежью школы № 150, где в музее боевой славы хранятся его личные реликвии. Участвует в работе совета ветеранов ВДВ. А когда позволяет здоровье занимается рыбалкой. Здесь он непревзойденный мастер. За один час одной удочкой добывает более двух килограммов рыбы. «Но главное, – говорит он, – не рыба, а свежий воздух и здоровье».

ДА, ДЕДУШКА, ТЫ ПРАВ

Муртаза Ахметович Сафин родился 31 марта 1924 года в деревне Мансурово Кунашакского района. После окончания 7 класса работал в колхозе имени М.В. Фрунзе. В 1940 году его в числе группы сельских ребят колхоз направил в Карабашскую школу ФЗО учиться на электрика. «Учиться было очень интересно, – вспоминал он, – каждый день мы узнавали что-то новое. Питание в школе было хорошее. Колхоз одевал, обувал и заботился о нас. Но началась война. Один за другим уходили преподаватели на фронт. Питание и обучение ухудшились, поэтому многие учащиеся разбежались по домам в свои деревни. А я остался».

Но доучиться в школе ФЗО М.А. Сафину не удалось, так как на оборонных заводах потребовались рабочие руки. Его направили на Челябинский завод №78, на котором отливались башни для танков. Отсюда в августе 1942 года его призвали в армию. Завод выделил ему на дорогу двухкилограммовую буханку хлеба и полкилограмма масла, а товарищи по цеху пожелали удачи и скорейшего возвращения с победой.

В июне 1943 года, после окончания школы младших командиров, его зачислили в 9-ю бригаду воздушно десантных войск, где вновь началась учёба. О своём первом прыжке с парашютом он рассказывал: «Прыгали мы из корзины аэростата с высоты 600 метров. Совершить прыжок можно было только перебором страх высоты, а это сделать было нелегко. Поэтому некоторых курсантов инструкторы просто силой выталкивали из корзины. Чем ближе подходила моя очередь покинуть аэростат, тем сильнее охватывало меня волнение, и терзала мысль, смогу ли я перебороть страх. Когда же встал на край корзины, взглянул вниз, и по моей спине, словно мурашки, забегали, захотелось поскорее – обратно вглубь корзины. Но, оглянувшись, я увидел за своей спиной инструктора, с добродушной улыбкой на лице. Его спокойствие меня взбодрило. Я шагнул вперёд и полетел в бездну. Почувствовал резкий рывок и над моей головой белой ромашкой раскрылся купол парашюта. Вот тут уж я торжествовал, готов был даже песню запеть,

состояние было такое, что я будто бы вновь родился.

В 2009 году М.А. Сафину исполнилось 85 лет. Многие события 65-летней давности из его фронтовой биографии позабылись. Но отдельные эпизоды боёв Великой отечественной войны навсегда врезались в память старого солдата. «В мае 1944 года на Калининском фронте, - рассказывал Муртаза Ахметович, - мы форсировали реку Свирь. После залпа наших катюш, финны, державшие оборону на противоположном берегу, бежали. Наступило относительное затишье. И я увидел, как из подбитого танка Т-34 вытащили раненого механика-водителя, уложили на носилки, рядом с ним лежали вывалившиеся из живота его внутренности. Раненый находился в сознании и умолял: «Пристрелите меня». Но санитары его не слушали и быстро несли носилки к санитарной машине, а под их ногами дымилась ещё не остывшая после боя земля.

А вот другой эпизод. Во время преодоления проволочного заграждения ординарец нашего командира полка наступил на мину. К нему тут же подбежали санитары, наложили жгут и накладывали повязку. Ординарец же даже не лежал, а сидел и о чём-то спокойно говорил санитарам, а рядом на колючей проволоке висела, покачиваясь, его оторванная нога.

Однажды мы, пять автоматчиков попали под артналёт. От осколков спрятались под стоявшую самоходку САУ-152. Вдруг открывается нижний люк, и самоходчики кричат нам: «Быстрее уходите из-под машины, мы начинаем движение. Выбравшись из-под самоходки, мы побежали, а вокруг нас рвались мины и снаряды, вверх взмывали тонны земли и стоял сплошной гул. Если ад и вправду где-то есть, то та обстановка была поиначе ада. И всё же мы четвером из пятерых остались живы».

А впереди у М.А. Сафина были бои за освобождение Заполярья, Херсонеса, взятие Кенигсберга и еще одна война на Дальнем востоке с милитаристской Японией. На груди его появились медаль «За отвагу», две медали «За боевые заслуги» и другие награды. Но были у него и промахи. «В Манчжурии, - продолжал он свой рассказ, - поручили мне отконвоировать трофейных японских лошадей. В пути местные жители китайцы уговорили меня обменять одну лошадь на пару ручных часов. Часы в то время были большой редкостью, и я согласился. За что пришлось мне отсидеть трое суток на гауптвахте. Но ещё более мне стало обидно, когда я узнал, что часы-то эти были обыкновенной штамповкой».

Незадолго до Победы над Японией М.А. Сафин получил ранение и контузию. После лечения в госпитале вернулся на родину. Окончил вначале Бишкильскую одногодичную, затем с отличием Троицкую трёхгодичную агрономическую школу и до выхода на пенсию работал управляющим Сураковского отделения Курмановского совхоза. В его отделении числилось 50 рабочих. Ежегодно отделение производило 197 тонн зерновых, 92 тонны молока, сдавало государству 5,5 тонн мяса. М.А. Сафин был удостоен ордена «Знак Почёта» и стал Почётным гражданином Кунашакского района. В настоящее время он живёт в Челябинске, у него 8 детей и 19 внуков и правнуков. Недавно он побывал в родном селе. Возвратился расстроенным. «Курмановского совхоза уже нет, - с грустью делился он своими впечатлениями о встрече со своей малой родиной, - поля заросли бурьяном. Молодежь уезжает из села в город, а потеряв в городе работу, возвращается обратно. Участились пьянки. Селяне выживают кто, как может». Муртаза Ахметович помолчал немного, словно вспоминая о чём-то важном, и продолжал: «Да, вначале коллективизации на селе были неприятности, но потом-то мы жили прекрасно и на деле доказали, что организующей структурой на селе в условиях нашего климата могут быть только коллективные хозяйства. Только колхозы и совхозы способны обеспечить сельских

тружеников работой, достатком, нормальным медицинским и культурным обслуживанием и возможностью получения образования их детям. Это говорю вам я, прошедший через две войны, человек от земли. Поверьте, здравый смысл победит, коллективные хозяйства на селе возродятся. И тогда вы вспомните обо мне и скажите: «Да, дедушка правильно говорил».

А мы подумали: «Да, дедушка, ты прав!»

РАНЫ ФРОНТОВИКА

После окончания 1-го Тюменского общевойскового училища мы готовились к отправке на фронт. И вдруг приходит приказ: «Одному батальону остаться для переподготовки на истребителей танков». И мы еще шесть месяцев учились обращаться с противотанковыми ружьями, ставить мины, бросать бутылки с зажигательной смесью и гранаты. На фронт, в район Вышнего Волочка, прибыли лишь в ноябре 1943 года. Я попал в 42-й отдельный полк резерва офицерского состава. Рядом, в 20 километрах, шла война, а мы, вроде бы как, бездельничали. Иногда нас группами по 5—8 человек посылали за линию фронта на 2—3 дня для рекогносцировки местности. В одну из таких вылазок я оказался свидетелем зрелища, которое никогда в жизни не смогу забыть. На самой границе с Прибалтикой, между селами Пустошка и Идрица, располагалась еще одна небольшая деревушка, в которой на площади, возле церкви, немцы завершали казнь наших девушек. С высоты в бинокль было хорошо видно, как палачи набрасывали на свои жертвы трос-петли, одну на правую ногу, другую на левую ногу и автомашинами разрывали их.

Потом, когда началось наступление, мы проходили этот район и местные жители рассказывали, что в деревушке немцы устраивали что-то вроде дома терпимости. Привозили откуда-то по 12 девушек на одну-две недели, затем их расстреливали и привозили других. А в тот день одна из девушек задушила немецкого офицера, за что оккупанты казнили ее и всех ее подруг.

Переполненные ненавистью к врагу мы двигались на запад. Шестнадцать дней находились в непрерывном наступлении. На семнадцатый день возле громадного озера Свибло война для меня неожиданно закончилась. А произошло это так. Во время боя мина угодила в заднюю стенку окопа. Один маленький осколок попал мне в запястье левой кисти руки, прошел насквозь, выбил косточку, а я его даже не почувствовал. Но вот сзади по предплечью, словно кто-то сильно ударил палкой. Оглянулся — никого нет. Голова закружилась, и я упал.

Первым подбежал ко мне помкомвзвода Мичурин, с ЧГРЭСа, он по возрасту был старше меня. После войны я пытался найти его, ходил по адресу, но там жили уже другие люди, и мне, к сожалению, не удалось узнать о том, как сложилась его судьба. Он расстегнул шинель и пытался снять с меня бронешиток. Бронешитки в то время выдавались офицерскому составу и представляли собой металлические листы толщиной миллиметра два, прикрывавшие грудь и низ живота. Местные жители знали об этом и называли наше подразделение панцирь-дивизией. Мичурин обрезал лямки у щитка, и больше я ничего не помню. Пришел в себя уже уложенным на волокуши, запряженные двумя собаками, они быстро неслись по запорошенному снегом льду озера. Вокруг ни души, один я и две собаки. Снаряды рвутся. И от каждого разрыва лед ходит ходуном, как бы прогибается. И вот тут мне стало страшно, вдруг попадут волокуши в прорубь. А собаки мчат во весь опор, не оглядываясь, я даже не знаю, какой они были породы, очень похожие на дворняг.

Второй раз я пришел в себя во время перевязки. Потом мне делали в течение четырех

часов операцию, удаляли осколки и то, что осталось от левой лопатки. Раненых в тот день было много. Мест в санбате не хватало. И всех, кто умирал или был безнадежен, тут же убирали. Я попал в число безнадежных. Очнулся в мертвецкой палатке, лежу на шинели в нижнем белье, покрытый другой шинелью. Когда санитары заносили следующую партию, увидели, что у меня и моего соседа пар идет изо рта, дело-то было зимой. Ну и сразу на шинелях, носилок не было — обратно в медсанбат.

После госпиталя меня вначале признали годным к нестроевой службе, а потом вообще сняли с воинского учета. Я приехал в Челябинск, устроился работать на Серноокислотный завод. Затем работал бухгалтером в различных организациях, а с 1964 года — заведующим финансового отдела Дорпрофсожа. В 1984 году ушел на пенсию».

Этими словами завершил свои воспоминания Борис Павлович Сафронов. Став пенсионером, у него появилось много свободного времени для занятий своими давнишними увлечениями: книгами, рыбалкой, охотой и фотоделом, последнее из-за рыночной дороговизны пришлось оставить до лучших времен. На вопрос сказываются ли сейчас на его здоровье фронтовые раны, Борис Павлович попытался поднять левую руку, она поднималась лишь чуть выше пояса. «Это ничего, — заметил он, — а вот в душе у меня глубокая рана и она все больше болит при виде того, что делают с нашей страной, которую мы строили и защищали». Мы долго беседовали с ним на эту тему, возмущались и удивлялись. «Народ уже начал понимать, что у него отобрали и что навязывают взамен. Справедливость рано или поздно все равно восторжествует», — с уверенностью сказал Борис Павлович, когда мы прощались. Было это в ноябре 1995 года, за месяц до выборов в Государственную думу. За окном падал легкий пушистый снег, у Теплотехнического института гремели на повороте трамваи, куда-то спешили по тротуару люди, жизнь шла своим чередом.

ПОД НОВЫЙ 1944 ГОД

Федор Александрович Смыченко родился 28 мая 1922 года. Детство его прошло в Кривом Роге. Здесь он окончил школу ФЗУ, работал на заводе «Криворожсталь» и учился в вечерней школе. Через пять дней после нападения фашистской Германии на СССР его призвали в армию и направили в Тамбовское пехотное училище. В начале октября 1941 года, получив сержантское звание, он отбыл на фронт. Боевое крещение принял в бою при обороне Москвы. 5 декабря 1941 года участвовал в контрнаступлении советских войск, был ранен под г. Клин. В 1942 году в бою за г. Ельня получил контузию. После выздоровления зачислен танкодесантником в 91-ю танковую бригаду. Участвовал в Орловско-Курской битве, в освобождении Киева, Фастова. Во время уличных боев в Житомире получил тяжелое ранение.

«К концу декабря, — рассказывал Ф. А. Смыченко, — в нашей бригаде оставалось 15 танков, частично артбатарей, рота ПТР и батальон десантников. В это время мы с переменным успехом вели бои за г. Житомир. Война войной, а приближался новогодний праздник. 30 декабря 1943 года утомленные боями мы разместились на ночлег в сарае на окраине города. Засыпая, каждый думал о своем. Кто-то вспоминал о мирной жизни и новогодней елке. Мне же приснилось, как наша бригада с триумфом прошла по Украине. С установленными на танках прожекторами и сиренами она глубокой ночью ворвалась на окраину Киева, ослепляя врага ярким светом прожекторов и приводя его в ужас воем включенных сирен, прогреготала по улочкам города. Затем 7 ноября, в день 26-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, бригада участвовала в освобождении Фастова, за что получила наименование «Фастовская». А вот что ожидает

бригаду завтра, 31 декабря, ни я, никто другой предположить не могли.

Утром нас подняли рано. На улице стояла ветреная, сырая погода, шел мелкий дождь со снегом. Снег падал на землю и тут же таял. Кругом образовались лужи и непролазная грязь. Появилась полевая кухня. Плотно позавтракали. Часов в 10 утра послышался отдаленный рокот танковых моторов, это двигалась колонна немцев. Поступила команда к бою. Мы заняли свои места на танках. Танки вышли на исходный рубеж, и повели огонь с закрытых позиций. Немецкие же танки шли по улице, а пехота двигалась параллельным курсом по задкам дворовых построек. Нам, десантникам, было приказано выдвинуться вперед, отсечь пехоту, уничтожить фаустников, а затем атаковать немецкие танки гранатами со стороны жилых домов. Преодолев огороды, мы зашли во фланг немецкой пехоты. Немцы открыли огонь. Нас же было больше и мы их легко подавили. Короткими перебежками приблизились к дворовым постройкам и рассредоточились для метания гранат. Я выбрал позицию за деревянным забором и, дождавшись, когда танк с белым крестом на башне поравнялся с забором, выдергиваю чеку, бросаю гранату через забор и падаю на землю. Взрывная волна сбивает забор. Смотрю, а танка нет. Выглядываю из-за угла дома, вижу – впереди горит один немецкий танк, далее другой. Это поработали наши ребята Андреев и Пушкарев. Немецкие машины разворачиваются и пытаются уйти обратно. Но на улицу врываются танки нашей бригады и, стреляя из пушек, преследуют противника. Шум боя удаляется. Наступает тишина. Часов в 12 поступил приказ подойти к танкам, которые, преследуя врага, остановились в километре от нас. Соломой, сухой травой пытаемся очистить от своих шинелей и обуви похожую на липкую глину грязь. Вновь появляется полевая кухня. Обед. Очень вкусный черный хлеб, котелок щей на двоих и котелок на двоих каши.

Немцы, наверное, тоже пообедав, начали вторую контратаку, она проходила точно так же, как и первая, только на другой улице. Но на этот раз гитлеровцы нас перехитрили, они зашли к нам с тыла и обстреляли из автоматов. Пуля попала мне сзади в тазобедренную кость, пробила ее и вылетела наружу спереди. Я почувствовал, что кто-то словно ударил меня топором, и я упал в прошлогодний бурьян. Пытался встать, но вновь упал. Зажал руками рану, думал, что мне перебило внутренности, потому что при каждом вздохе что-то булькало и kloкотало в животе. Когда бой затих, меня подобрала, раны перевязали и перетянули полотенцем. Усадили на танк, прислонив спиной к башне. Пушкарев и Андреев придерживали меня слева и справа. Кровь текла, а боли я не чувствовал. Но когда меня перегрузили с танка в кузов санитарного грузовика, вот тут начались нестерпимые, смертельные боли. Я начал терять сознание. Меня спасло то, что в полевом госпитале я сразу же попал на операционный стол. Очнулся уже в 1944 году. Соседи по палате поздравили с новым годом и сообщили, что 31 декабря освободили Житомир от оккупантов.

Вернулся я домой инвалидом. Рана долго не заживала. Через четыре года мне сделали повторную операцию. На этот раз я лежал на белых простынях, под ярким светом софитов. Слышал, как хирург ругался, называл армейских врачей сапожниками за то, что они не удалили два обломка косточки. А я слушал и думал, мне же делали операцию при свете керосиновой лампы, когда земля ходила ходуном от разрывов снарядов. Врачи в тот новогодний вечер спасали жизнь не только мне, их ни в чем нельзя упрекать, сердечное им спасибо.»

После войны Федор Александрович окончил Днепропетровский инженерно-строительный институт и по направлению, со своим однокурсником Шаповаловым, приехал работать в «Челябметаллургстрое». Управляющий трестом Терентьев и главный

инженер Бакума два часа беседовали с молодыми специалистами, удивлялись: «Да как же это вы, Украину сменяли на Челябинск?» Ф. А. Смыченко определили в механомонтажное управление. Его первым построенным объектом стала вторая мартеновская печь ЧМЗ. В 1949 году механомонтажное управление передали «Востокметаллургмонтажу», где Ф. А. Смыченко прошел путь от прораба до главного технолога треста «Востокметаллургмонтаж». В 1998 году он вышел на пенсию. И уже пенсионером участвовал в создании музеев боевой и трудовой славы в 40-й и 143-й школах Челябинска. В настоящее время он является председателем секции ветеранов бронетанковых войск Центрального района. Его заветной мечтой является создание в регионе межведомственных координационных советов и центров патриотического воспитания граждан. «Народ нужно поднимать с колен, – считает он, – не только повышением зарплаты и детских пособий, но и самоуважением».

ШОФЕРЫ

Война давно канула в прошлое. Для молодых она теперь просто история, они знают о ней лишь по книгам и рассказам. А для ветеранов каждое упоминание о войне отдается эхом пережитого с болью в сердце. Вот и Петр Егорович Туленков нахмурился, когда речь зашла о былом фронтовом времени, и, как бы вслушиваясь в шелест листьев берез, растущих под окном, помолчал с минуту и рассказал о случае, произошедшем с ним в самом начале войны:

«Нас — новобранцев нападение врага в 1941 году застало в пути, на железнодорожной станции близ Сиротино в Белоруссии, мы тогда стали невольными свидетелями, как шла разгрузка эшелона с казаками. Казаки выводили из вагонов коней, ловко вскакивали в седла и мчались в небольшую рощицу на пригорке. Неожиданно из-за леса появились немецкие самолеты. Воздух наполнился гулом и визгом падающих бомб. Самолеты, эскадрилья за эскадрилей, накатывались на рощу, одни сбрасывали смертоносный груз и уходили за горизонт, другие заходили на бомбометание. Они бомбили рощу до тех пор, пока не перемешали людей и коней с землей и деревьями. Затем все стихло. Нас перебросили на соседнюю железнодорожную ветку, где стоял эшелон с новенькими грузовиками марки «ЗИС». Один из них закрепили за мной, на нем я отмерил первые километры по фронтовой дороге.

Самое страшное на войне — отступление. Не дай бог попадать в подобную ситуацию. Мы же с первых дней отступали, уходили из Белоруссии на Смоленщину. Здесь войска Красной Армии предприняли попытку перехватить инициативу, отбили у немцев целый район и продолжали бои. Над передней линией фронта полыхало багровое зарево от разрывов бомб и снарядов. Наша колонна из двенадцати грузовиков должна была срочно доставить на передовую боеприпасы. А местность в тех краях болотистая, и на одном из участков пути мы застряли. Разобрали стоявший рядом сарай, вымостили досками зыбкое место. Но несколько машин прошло, и все доски провалились в трясины. Попробовали наложить кустарника — не помогает. А время идет. В любую минуту жди немецкие самолеты. Гляжу: ребята, проявив солдатскую находчивость, зацепили тросом три трупа немецких солдат, валявшихся поблизости, и волокут их к трясине. Уложили вместо досок. Грузовик двинулся. Раздался противный хлопок, словно волейбольный мяч попал под колесо. И вновь все провалилось. Для следующего грузовика приволокли новую партию трупов. И только так преодолели это роковое место.

На обратном пути нам указали маршрут к реке, где у брода дежурил трактор. Сжав в руках баранку, я лавировал по накатанной в лесу дороге, старательно объезжая

подозрительные кочки, попробуй на ходу разбери: крот ли их накопал или кто-то для тебя ловушку приготовил. И вдруг, бац! И все провалилось в тар-тара-ры... Оказалось, я задним колесом наехал на противотанковую мину. Если бы наехал передним колесом — сразу бы была мне крышка...»

После госпиталя П. Е. Туленков вернулся в свою часть, и вновь побежала дорога под колеса его грузовика, дорога через всю Европу, к Победе.

В 1945 году возвращался он домой. Вышел из вагона на станции «Запрудовка». Пассажиры с поезда, обгоняя его и друг друга, бежали во всю прыть к узкоколейной станции БЖД, чтобы занять очередь в билетную кассу. Но, убедившись в том, что касса еще закрыта, а до отхода поезда в Белорецк несколько часов, разместились вокруг станции кто где смог. Многие раскрывали свои пожитки и подкреплялись сухим пайком прямо под открытым небом. Глядя на них, П. Е. Туленков невольно подумал: наверняка среди этих пассажиров есть родственники тех тридцати совсем юных призывников, в числе которых в 1941 году он уезжал из Белорецка в Алкино для службы в автомобильных войсках Красной Армии. И охватило его непонятное, щемящее душу чувство, похожее на стыд за то, что все его 29 товарищей сгорели в огне войны, а он возвращается с фронта живым и здоровым. «По этой причине, — вспоминал Петр Егорович, я не стал занимать место в вагоне среди людей, а все 148 километров до Белорецка простоял один в тамбуре...» После войны на Урале шоферы 1-го класса были в особой цене. П. Е. Туленков устроился работать в управление «Уралдомноремонт» и долго возил мирные грузы. В настоящее время он на пенсии. Живет на окраине города, за заводом, у подножия высокой горы, покрытой густым сосновым лесом, на склонах которой большими буквами выложено белым камнем: «Ленин с нами». На задах его бревенчатого дома расположен хорошо ухоженный огород, что позволяет всегда иметь на столе свежие овощи и достаток в доме. Петр Егорович уже давно не садится за руль. Но каждый день и в зной, и в непогоду его сын и два внука, ставшие по его примеру первоклассными шоферами, уверенно ведут свои автомобили по нескончаемой дороге жизни, которая едва не оборвалась в 1941 году.

СОЛДАТСКИЕ МЕМУАРЫ

В январе 2000 года, среди примитивных, порой, вызывающих откровенное неприятие передач центрального телевидения, на восьмом канале прошел неожиданно теплый, как в старые добрые времена, сюжет о ветеране, который, несмотря на почтенный возраст, с увлечением занимается художественным моделированием. Телезрители увидели на его столе целый городок, сделанный золотыми руками мастера, бревенчатый дом, внутри которого русская печь, стол, стулья и прочая мебель. Дом огражден дощатым забором. Рядом — ветряная мельница, самолет с вращающимся пропеллером, а среди множества жителей городка особенно привлекали внимание: солдат на деревянной ноге, одноглазый разбойник и Дон Кихот Ламанчский с висящей на боку и легко вынимающейся из ножен миниатюрной шпагой. Ветеран этот, Михаил Семенович Уточкин, участник Великой Отечественной войны. Родился он в 1926 году. С детства любил рисовать. В школьные годы уже писал различные картины и даже портреты К. Е. Ворошилова и других видных деятелей партии и государства. Он несомненно стал бы художником, но в неполные 17 лет, осенью 1943 года, по призыву ушел в Красную Армию. В 18 с небольшим встретил победу 45-го года. На фронте был дважды ранен. Домой возвратился с двумя медалями «За отвагу», поэтому при разговоре о самобытном творчестве М. С. Уточкина нельзя было не коснуться его фронтовой биографии.

«Вы спрашиваете о наиболее памятных эпизодах прошедшей войны — начал он свой рассказ, — так ведь на войне каждый день что-нибудь да происходило необычное. К примеру, был в нашем полку удивлявший всех своей физической силой пулеметчик Григорий, фамилию его не помню, здоровенный детина, ростом под два метра. Тяжелый станковый пулемет обычно переносят в разобранном виде два—четыре человека, а Григорий один таскал его целиком. Однажды ночью на переднем крае он присел в траншее и, наверное, задремал. Два немецких разведчика, пробравшиеся в окоп, ударили

его по голове, накинули мешок и поволокли к своим. Но груз для них оказался тяжеловатым. Метров через 50 они решили передохнуть. То, что произошло потом, рассказывал сам Григорий: «Когда я очнулся, сразу понял, что нахожусь в руках вражеской разведки. На голове мешок, во рту кляп. Рядом сидят два немца, тихо о чем-то говорят посвоему. Чувствую, что руки у меня свободны, не связаны. Я собрался с силами, да как резким движением схватил одного из гитлеровцев правой, а другого — левой рукой и друг об друга изо всех сил так саданул, что они сразу обмякли. Я скинул мешок и еще два раза шмякнул одного об другого. Потом взял их под мышки и потащил обратно в траншею. Но наши вместо помощи открыли по мне огонь. Я кричу: «Не стреляйте, свои!..»

И получилось так, что двое гитлеровцев рассчитывали добыть «языка», да сами в «языки» угодили. За них Григория представили к ордену Боевого Красного Знамени. Но получить, к сожалению, он его не успел. В последующем бою разрывная пуля попала ему прямо в горлань.

Другой курьезный случай произошел на этом же участке фронта. Я тогда только что вернулся из госпиталя. Ночью вызывает меня к себе командир и говорит: «В пулеметном расчете убит 1-й номер, 2-й номер остался один, иди замени погибшего товарища».

Я пошел. Ночь темная. Земля перепахана разрывами снарядов. Видимость несколько метров. Подхожу к пулемету, а возле него никого нет. Спрашиваю у солдат соседнего окопа:

— Где второй номер?

— А разве он тебе не встретился, — удивились они и поведали такую историю: «Ночью пулеметчик, находясь в окопе у самого края передней линии, услышал, как от порыва ветра потрескивают в лесу деревья. «Немцы идут», — подумал он и дал в темноту наугад пулеметную очередь. Потрескивание в лесу на какое-то время стихло, а потом возобновилось с большей силой. «Это немцы пошли в наступление», — решил он. Схватил гранату, выдернул чеку, размахнулся и метнул ее в темноту. А на бруствере окопа стояло дерево со срезанной верхушкой. Граната попала в его ствол, ударилась об него и отскочила обратно в окоп. Пулеметчик схватил ее, повторно, размахнулся и в это время граната разорвалась. С оторванной кистью руки, всего в крови его отправили в санроту».

Я проверил исправность пулемета, пересчитал диски. Все было в порядке. На небесах темно-серые громоздкие облака, закрывавшие серп луны, медленно пришли в движение. Появившееся на этом месте бледное пятно увеличивалось в размере. Подул свежий ветерок. И вдруг я отчетливо услышал, как в темноте, где-то совсем рядом, среди деревьев подозрительно потрескивают ветки...

— Да, страх на фронте, конечно же, присутствовал, — продолжал после короткой паузы Михаил Семенович. Особенно нелегко было заставить себя по команде «вперед!» подниматься в атаку из окопа. Ведь в тот миг казалось, что каждая пуля — твоя. Бывало, первые десятки метров бежишь буквально дурманенным. И лишь после начинаешь соображать, где немцы, где наши и действовать уже осмысленно. А однажды нам пришлось вступить в бой внезапно. Это случилось на стыке границ Литвы и Восточной Пруссии. Мы шли цепью в направлении города, в который по данным командира роты уже вошли впереди идущие батальоны. Я, будучи вторым номером пулеметного расчета, кроме карабина, ес запасные диски. Ярко светило солнце. Несмотря на октябрь, погода стояла жаркая. Командир всем желающим разрешил снять шинели и оставить их на траве. «Старшина, сзади едущий на повозке, шинели подберет», — пояснил он. Шиница наполнила мирную жизнь. Ни на окраине, ни на улицах города не видно было ни единого человека. И вдруг, когда до ближайших домов осталось метров 400, из окон ударили пулеметы. Рота в один миг наполовину поредела.

Из девяти человек нашего отделения мы втроем успели укрыться в кювете. Все поле впереди просматривалось и простреливалось. Командир говорит мне:

— Вон там в траве лежит раненный первый номер твоего расчета. Ползи к нему и тащи его сюда вместе с пулеметом.

Я, готовый буквально в землю вжаться, пополз, прячась за каждый бугорок, за каждую травинку. А раненый не кричит, не стонет, лишь беспрестанно матерится. Подумав, что он находится в бессознательном состоянии, спрашиваю его:

— Ты меня слышишь?

— Слышу, — отвечает он.

— Берись крепче за мою ногу.

И я, распластавшись на земле, поочередно подтягивая одну ногу вперед, волоком тащил раненого и пулемет к кювету, где командир сам ему сделал перевязку. Кругом трещали выстрелы, над головами со свистом пролетали осколки. Появился откуда-то танк. Но его тут же подбили. Из моторной части танка повалил черный дым, а башня почему-то продолжала вращаться. Ну, думаю, как шарахнет сейчас по своим. Наконец, плотность

вражеского огня стала снижаться. Поступила команда: «Короткими перебежками вперед!» Мы преодолели еще метров двести. При очередном броске я споткнулся о руку лежавшего на земле убитого. И уже при падении пуля пробила мне каску и травмировала голову, но черепная кость выдержала. Пришел в сознание, когда меня перевязывали.

Бой гремел уже на окраине города. Побежал вперед догонять своих. Перед домом увидел убитым еще одного нашего пулеметчика. Он сидел, прислонившись к стене спиной, остановившиеся глаза его смотрели мимо меня. Я зашел в дом. Никого нет. Слышу кто-то меня окликнул. За углом дома увидел 14 человек из нашей роты.

— Иди в медсанбат, — приказал мне командир.

— Нет, я останусь с вами.

— Иди, тебе говорят, еще не хватало, чтоб мы тут с тобой нянчились..

По пути в медсанбат выходил из боя мимо подбитого танка. Возле него лежал раненый танкист и зло матерился. Ноги у него — неестественно разбросаны, виднелась кость от нижней стопы, а коленей почему-то вообще не было. Это последнее, что я увидел. Разрыв мины или снаряда я уже не услышал. Очнулся в медсанбате.

...В январе 1945 года наш штурмовой отряд готовился к прорыву. Началась артподготовка. Заговорили батареи тяжелых орудий и «катюш». Я впервые в жизни наблюдал артогонь такой силы. Стоял сплошной гул. Воздух дребезжал и от его движения у нас покачивались полы шинелей. А когда мы — пехотинцы, пошли вперед, то увидели в расположении врага множество валявшихся на снегу трупов, разбитые орудия и пулеметные гнезда. Уцелевшие гитлеровцы бежали, их места в траншеях заняли мы и закрепились.

С рассветом следующего дня противник, решив вернуть утраченные позиции, открыл ураганный огонь. Порой было трудно разобраться, откуда летят пули. «Нас окружают», — с испугом пробормотал солдат-новичок, поступивший к нам после пребывания в штрафной роте за то, что в начале войны попал в плен к немцам и теперь больше смерти боялся оказаться вновь в плену. Не вы держав, он высунулся из окопа. Раздался щелчок и солдат мягко, словно у него не было костей, свалился на дно траншеи, из под каски медленно потекла струйка крови. Постепенно стрельба стала стихать. В воздух взвилась красная ракета. Это сигнал к атаке. Мы выскочили из окопа и с криком «ура» побежали вперед. Я периодически вставал на колени и с дистанции 400 метров ловил через оптический прицел своей «снайперки» выделявшиеся на снегу темные фигурки, нажимал на спусковой крючок, фигурка падала. Я не считал их. Вдруг кто-то крикнул. Я оглянулся и не пойму, что случилось. Стою во весь рост, винтовка моя валяется в стороне. Подошел, хотел поднять ее. И в это время из правой руки у меня струей хлынула кровь.

— Ложись! — кричат мне.

А я впал в такое состояние, при котором полное безразличие овладело мною. Убьют или не убьют — мне было все равно. Вижу, навстречу бегут комбат и замполит, кричат: «Почему залегли?!» Пройдя еще метров сто, мимо минометной батареи, услышал сзади взрыв. Оглянулся, а одного минометного расчета как не бывало, его разметало в клочья. И вот только тут у меня заныла рука.

В спецгоспитале, куда меня определили, лежало множество людей с оторванными руками и ногами. Я и раньше видел их немало. Но тут меня поразило то, что ни один из раненых не стонал, не жаловался, а наоборот, все шутили, рассказывали друг другу анекдоты, смеялись. В разговоре я спросил одного из них:

— Как ты теперь жить-то будешь?

— О, я сапожник, одной рукой работать буду, главное, что мы живыми остались, — ответил он.

— Вот такие у нас были люди, — многозначительно подытожил свой рассказ младший сержант в отставке М. С. Уточкин. После войны он еще пять лет служил на Дальнем Востоке. В 1950 году вернулся в Челябинск. Рабочие руки тогда требовались везде. Работал слесарем, токарем, разметчиком на станкостроительном заводе, одновременно учился в машиностроительном техникуме, после окончания, которого перешел в конструкторский отдел. Какую бы работу не поручали ему, он выполнял ее творчески. Всегда значился в передовиках.

Ну, а на пенсии, когда времени свободного стало много, занялся резьбой по дереву. Так появился на его столе сказочный городок в миниатюре, вызывающий восхищение и у детей, и у взрослых.

Есть у М. С. Уточкина еще одно увлечение: он собирает воспоминания своих друзей-фронтовиков о прошедшей войне. «А друзья мои были настоящими солдатами, не из числа тех, кто в штабе пребывал», — с гордостью говорил он, показывая записки одного из них, майора в отставке Бориса Яковлевича Софронова, которые прекрасно сохранились у Михаила Семеновича.

Игра в войну у нас - детей военного времени, была излюбленным занятием. Идя в наступление на мнимого противника с самодельным или принесенным из металлолома копрового цеха трофейным оружием, мы доблестно кричали: «За Родину, за Сталина!» Потому, что знали по рассказам старших товарищей и пришедших с фронта раненых красноармейцев и инвалидов войны, что эти слова были расхожими на фронте и означали «только вперед и ни шагу назад». Поэтому были удивлены, когда по центральному телевидению в канун 65-летия победы над фашистской Германией прошел сюжет, в котором участник Великой Отечественной войны, якобы не раз, ходивший в атаку, утверждал: «Мы на фронте никогда со словами «За Родину, за Сталина» в атаку не поднимались, это все выдумки советских политорганов». Учитывая, с какой серьезностью, был подан телеведущим этот сюжет, мы решили обратиться за разъяснением к полковнику в отставке Петру Васильевичу Храмцову, прошедшему через войну рядовым солдатом, а потом сержантом от Великих Лук до Берлина.

Родился П.В. Храмцов 11 февраля 1924 года в селе Донки Курганской области. В 1942 году учился в школе города Копейска. Однажды в класс вошли в сопровождении директора школы представители горкома комсомола и завода №114. Они зачитали письмо И.В. Сталина, адресованное школьникам, в котором высказывалась просьба к ученикам школы в летние каникулы помочь своим отцам и матерям в изготовлении снарядов для фронта, а новый учебный год начать не с 1 сентября, а с 1 октября. Весь класс поднятием рук выразил свое согласие.

«Нас расставили на конвейере, - вспоминал П.В. Храмцов, - показали, как в заготовки от снарядов следует заливать расплавленный тротил, и поставили задачу за смену выдать 3500 снарядов. Мы же сумели изготовить только одну тысячу. Но освоившись, стали выдавать пять, а затем семь тысяч снарядов. 15 октября мне принесли повестку в армию. Шесть месяцев в Чебаркульском военном лагере я учился на разведчика-корректировщика артиллерийской батареи. А когда прибыли на фронт, мне вручили автомат ППШ и направили в пехоту. Боевое крещение я получил, когда мы окружали и освобождали город Великие Луки. Вот там я и услышал первый раз призыв: «За Родину, за Сталина!» от своего командира взвода. Мы его все поддерживали. Позднее, продвигаясь с боями на запад, мы перешли Польскую границу и освободили города Радом и Люблин. 17 января 1945 года освободили Варшаву. После 20-го января пересекли Польско-Германскую границу, а к концу января вышли к Одеру, где на противоположном, левом, берегу его проходила первая линия обороны врага. Все населенные пункты в том районе немцы подготовили к обороне. Используя шлюзы на Оudere и каналы, гитлеровцы, предусмотрели затопление отдельных территорий. На противоположном берегу реки просматривалась немецкая деревушка Аурут. Ширина Одера в том месте доходила до 200 метров. Там мы некоторое время находились в обороне, а потом вышли на исходные позиции и по команде глубокой ночью бросились к заранее подготовленным плавсредствам, столкнули их в воду и кто на плотках, кто на лодках, а кто на подручных средствах начали форсирование реки. До середины Одера мы продвигались в полной темноте, не зная куда плывем. Видели вокруг только черную, как чернила, воду. Тишину ночи нарушали лишь легкие всплески весел, да скрип уключин. И вдруг с вражеского берега взлетела осветительная ракета, за ней другая, и на переправе стало светло, как днем. Немцы открыли огонь. От прямых попаданий снарядов в плот, люди и обломки плота разлетались в разные стороны. Столб воды поднимался вверх и накрывал тех, кто еще живым держался на поверхности.

Мы были легкими на подъем, первыми добрались до вражеского берега. А берег Одера

оказался обнесенным высокой дамбой, по которой проходила автодорога. С криком Ура мы атаковали противника, захватили на берегу плацдарм и, преследуя гитлеровцев, преодолели дамбу. Немцы же в другом месте перебрались через дамбу обратно и оказались у нас в тылу. Нам пришлось возвращаться на плацдарм и повторно выбивать противника. Наконец, в ходе боев с переменным успехом мы расположились по одну сторону дамбы, немцы по другую и стали забрасывать друг друга гранатами. К утру почувствовалось, что гранаты со стороны немцев стали прилетать реже, а потом совсем прекратились. Противник отошел на возвышенность и там занял оборону. Мы попытались атаковать его, но вот здесь призыв «За родину за Сталина» не сработал. Пулеметным и автоматным огнем гитлеровцы прижали нас к земле. Нам пришлось окапываться в грунт. И вдруг я вижу, как вдоль дамбы в нашу сторону движется какое-то облако тумана. Оказалось, что это вода, немцы открыли шлюзы, и она хлынула на наши позиции. Противник-то оставался на возвышенности, а мы оказались в воде...».

В комнату вошла Нина Ивановна - жена Петра Васильевича, поставила на стол тарелку со свежее испеченным печеньем и два стакана с вкусно пахнущим кофе. «Угощайтесь, на здоровье», - сказала она и села на диван читать свежий номер газеты «Танкоград», удивляясь, как ловко в газетной статье Немцов критикует Путина. А мы продолжали беседу за чашкой кофе. «Вы, журналисты, не нюхавшие пороха,- говорил П.В. Храмцов,- должны усвоить такую истину, война это не прогулка за орденами, это тяжелая работа, это была такая мясорубка, что каждый прожитый день на фронте уже можно считать подвигом. Когда мы подошли к реке Влтава, то не могли найти на поверхности воды светлого, свободного от крови места. Бывало, отмахнешь котелком с поверхности кровь и зачерпнешь воду. Кричали ли мы на фронте: «За Родину за Сталина?» Да случалось, иногда в пылу отчаянной схватки с врагом, но чаще когда этого требовала обстановка. В определенные минуты боя, когда солдаты поднимались под пули и находились, фактически, между жизнью и смертью, такой призыв на них действовал мобилизующие. Кто-то из них первым врвался в расположение противника, а кто-то последним. Не трудно догадаться, кому было суждено погибнуть первым, а кому остаться живым. Это война. Наступательные операции всегда готовились в штабах. Вначале разведчики уходили в тыл к немцам, определяли огневые точки врага. Потом назначались часы и минуты начала артиллерийской подготовки, затем часы и минуты - переноса артиллерийского огня в глубину вражеской обороны и, наконец, устанавливались часы и минуты начала атаки пехоты. За каждым из этих моментов назначались ответственные командиры. Пехоту поднимал обычно кто-то из политработников, он первым выскакивал на бровку окопа и, призвав бойцов за собой, устремлялся вперед. Слова же его призыва утверждались в политотделе. Поэтому если кто-то не кричал «За Сталина!», но в атаку-то шел и он с его именем. Все, мы - фронтовики, Сталина благоговели и верили ему».

Петр Васильевич немного помолчал, выпил немного кофе и продолжал: « В завершающих войну уличных боях в Берлине наши штурмовые группы в составе двух танков, а между ними пехота двигались вдоль улиц и действовали строго по разработанному плану. Танк,двигающийся по левой полосе, обстреливал замеченные огневые точки в домах с правой стороны, а танк, идущий по правой полосе, обрабатывал огнем здания с левой стороны. Мы же очищали дома от фаустников - охотников за танками. Зачистим одну секцию дома, переходим в следующую и узнаем, что в только что зачищенной нами секции вновь появились гитлеровцы, они перебежали из подъезда в подъезд. И тогда командир приказал нам на улицу не выходить, двигаться внутри здания

параллельно движению танков, а встречающиеся преграды в виде перегоронок и стен взламывать гранатами. Потом нас перебросили в Потсдам. Там и застала нас весть о Победе».

После войны П.В. Храмцов возвратился в Копейск молодым коммунистом и был избран секретарем Сталинского РК ВЛКСМ. В 1949 году комсомол направил его для продолжения службы в МГБ. В 1957 году без отрыва от производства он окончил Юридический институт и работал на разных должностях на ЧТЗ и в Гипромезе, вновь был призван на службу в УВД. А после выхода в отставку включился в ветеранскую работу. В настоящее время он является председателем совета ветеранов управления вневедомственной охраны при управлении внутренних дел. Нина Ивановна с гордостью принесла в комнату его мундир с полковничьими погонами, украшенный орденами Красной Звезды, двумя орденами Отечественной войны и многими медалями, за каждой из которых был скрыт сгусток времени героической жизни гражданина, воина и патриота России.

ПАМЯТЬ О ПОХОДЕ В МАНЬЧЖУРИЮ

Иннокентий Лаврентьевич Хрущев 30 лет проработал в Челябинском аэропорту. Теперь, перешагнув 80-летний рубеж, с увлечением трудится на своем садовом участке и на природе чувствует себя даже лучше, чем дома. Наверное, потому, что родился он в Сибири, в молодости добывал живицу хвойных деревьев в тайге. Перед войной работал в Красноярском крае на железной дороге. «Жизнь в то время была многообещающей, — вспоминал И. Л. Хрущев. — Снижались цены, в продаже появлялись новые разнообразные товары. А в кинотеатрах демонстрировались такие киношедевры, как например «Юность Максима», которому до сегодняшнего дня нет кинофильма, равного по силе художественного воздействия. Но грянула война. Меня призвали в Красную Армию и направили учиться в эвакуированное с запада в город Сталинск пехотное училище. В 1942 году я его окончил. Мне выдали новую командирскую форму с двумя кубиками в петлицах и направили к месту службы, но не на запад, где полыхала война с Германией, а на восток, в Монголию, в 293-й мотострелковый полк 57-й Краснознаменной дивизии, располагавшийся километрах в шестидесяти от реки Халхин-Гол, на противоположном берегу которой хозяйничали японцы. Они вели себя скверно, устраивали провокации на границе, открыто готовились к нападению на СССР. Здесь, на дальних рубежах, мы должны были встретить врага и остановить его, поэтому усиленно готовились к боям. Копали противотанковые рвы. Строили оборонительные сооружения. Занимались боевой учебой. И выполняли еще одну важную задачу – готовили для западного фронта младших командиров.

9 августа 1945 года полки дивизии подняли по тревоге. Объявили, что СССР находится в состоянии войны с Японией, и в этот же день мы двинулись в поход по безводным монгольским степям и горным тропам Большого Хингана, служившего природным рубежом между Монголией и Маньчжурией, оккупированной Японией. Японцы не ожидали Красную Армию со стороны гор и, застигнутые врасплох, после короткой схватки бежали. Появились первые пленные. Их построили и куда-то отвели. А вскоре пришла весть о капитуляции Японии. Меня во главе роты направили охранять китайский рабочий поселок на железной дороге, так как при появлении солдат в поселке рабочие-китайцы прекращали работу и разбегались, к красноармейцам же они относились с большим почтением. Пребывали китайцы в нищете такой, какую мне никогда раньше

видеть не приходилось. Жили они в маленьких домиках-фанзах, внутри которых в лучшем случае можно было увидеть коврик из соломы, плетеный матрац, рукомойник. Люди были или полунагими, или в сплошных лохмотьях. Бывало, бросишь им в толпу что-нибудь из одежды, они хватают эти тряпки, отбирая друг у друга. Мы отдали им несколько старых шинелей, часть белья и другие, ставшие малонужными вещи. Как-то пришел ко мне уже немолодой китаец и сообщил, что японцы при отступлении что-то закопали в землю. Мы вскрыли эти ямы и обнаружили, что они были заполнены, как у нас говорят, ширпотребом. На поверхность извлекли тюки с искусственным шелком, китайские шелковые халаты, японские сапоги из желтой кожи со шпорами, мужские костюмы, нитки, авторучки, сумку с монетами и др. Было очевидно, что японцы намеривались сюда обязательно вернуться. Я распорядился все вещи раздать местным жителям, а монеты принес к себе в канцелярию и стал их рассматривать, они оказались серебряными, с изображением чьего-то портрета. Китайские иероглифы на монетах прочесть было невозможно. При посещении китайского базара я предложил одну монету торговцу. Он схватил ее, подул на нее, приложил к уху, послушал и дал мне за эту монету кувшин ханжи (рисовой водки), помидоры, огурцы и прочие овощи. После чего я каждый день выдавал старшине по несколько монет и целый месяц на эти деньги вся рота имела возможность употреблять свежие овощи и фрукты. Через месяц своим ходом мы возвратились в Монголию.

Теперь, 60 лет спустя, когда я узнаю о больших успехах Китайской Народной Республики, о стремительном росте ее экономики, всегда думаю, а ведь это мы заложили фундамент развития КНР, освободив в 1945 году от японской оккупации. Помогли китайцам установить социалистический строй и выбраться нашему соседу из нищеты. Теперь Китай быстро зашагал вперед, а мы...», — Иннокентий Лаврентьевич прервал свой рассказ и покачал головой.

В память о былом походе в Маньчжурию у И. Л. Хрущева на парадном мундире красуется орден Красной Звезды, а в укромном месте хранится бесценная реликвия — выцветший, пожелтевший, аккуратно подклеенный лист бумаги, на котором четким почерком написано: «За отличные боевые действия в борьбе против японских агрессоров, за форсирование горного хребта Большой Хинган и преодоление безводной монгольской степи приказом № 372 Верховного главнокомандующего генералиссимуса Сталина Вам объявляется благодарность».

Внизу стоит круглая гербовая печать, и размашистая подпись командира части.

МЫ ЕЩЕ ПОВОЮЕМ

В бою на фронте весной 1942 года Петр Викторович Чебаевский потерял ногу. Но не пал духом. После выписки из госпиталя поступил учиться в инженерно-строительный институт. В 1948 году защитил диплом и по распределению приехал в Челябинск на строительство металлургического завода. Вначале работал прорабом, затем начальником производственно-технического отдела строительного управления «Прокатстрой», а позднее возглавил Центральную строительную лабораторию «Челябметаллургстроя». Работал уверенно и надежно. Но в 1989 году начавшееся сокращение строительных организаций коснулось и его. Ему предложили уйти на пенсию.

С большим сожалением он расставался с любимой работой. Такое завершение трудовой деятельности он считал второй неудачей в своей жизни. А первая неудача постигла его на фронте.

«Март-апрель 1942 года на Волховском фронте оказались самыми тяжелыми, — вспоминал Петр Викторович, — мы тогда топтались на месте. Там проходила дорога

Новгород—Тихвин, вот мы за нее и дрались.

Близлежащие деревни были все выжжены. На местах, где недавно стояли избы, теперь торчали лишь кирпичные трубы печей. Укрыться негде, окопаться тоже. Чуть землю копнешь, а там вода. Тягачи орудие протаскают, образовавшаяся за ними на дороге колея немедленно заполняется водой. Наши санитары приспособились в те дни раненых на лодках таскать по этим созданным войной искусственным каналам.

Когда бой идет, все трещит. Немцы применяли разрывные пули. Мало ли там полегло нашего брата...

Смерть, похороны всегда действуют на живых людей угнетающе. А тогда — есть человек — нет человека — было обыкновенным явлением.

Мина, которая предназначалась для меня, попала в дерево. И я почувствовал сильный удар в ногу. Снял шинель, чтобы было удобнее рану перевязать, а шинель моя сзади вся как будто бы бритвой изрезана. Только в госпитале я пожаловался: «Что-то у меня спина болит». Оказалось неспроста, десятка полтора мелких-мелких осколков там застряло.

Ну, как видите, выжил. Что же касается работы, верю, что строительный комплекс обязательно возродится у нас до былых масштабов. Посмотрите вокруг, как много нам еще нужно строить. А мы, ветераны, чувствуем в себе силы и можем подмогнуть строителям. Так что еще повоюем.

РАССКАЗЫ ГВАРДЕЙЦА

Гвардии старший сержант Василий Егорович Четин один из немногих, кому удалось прошагать по солдатским дорогам от первого до последнего дня войны и благополучно вернуться домой с победой. В октябре 1940 года после окончания педучилища его призывали в армию и направили на Дальний Восток в 212 воздушно-десантную бригаду, принимавшую участие в августе 1939 года в разгроме японских самураев на реке Халхин-Гол. Но служба на Дальнем Востоке продолжалась недолго: 22 мая 1941 года бригада была уже в городе Вознесенске Одесской области, а через месяц началась война. В боевые действия с немецко-фашистскими захватчиками десантники вступили в июле 1941 года под Киевом, в самые трудные дни его героической обороны.

После ранения и пребывания в госпиталях В. Е. Четину пришлось отступить до самого Сталинграда, а затем участвовать в освобождении захваченных врагом территорий. Во время жарких боев на Днепровском плацдарме он был удостоен медали «За отвагу» и вступил кандидатом в члены ВКП(б), а через три месяца во время точно таких же боев, но на Днестровском плацдарме, за проявленную храбрость его наградили орденом Красной Звезды и приняли в партию. После взятия Берлина, прослужив еще четыре месяца, он вернулся к мирной жизни. Работал учителем, закончил пединститут, защитил кандидатскую диссертацию и до 1989 года находился на преподавательской работе в Челябинском государственном педагогическом институте. Студенты любили ходить на его лекции, слушать увлекательные рассказы из истории своей Родины. Нередко они просили Василия Егоровича поделиться воспоминаниями о войне. И он сполна удовлетворял их любопытство, используя свои записи из фронтового дневника.

Ниже приводятся его рассказы, записанные во время беседы с ним в канун 50-летия Победы.

1. Маневр на пашне

19 ноября 1941 года, отступая из города Тима Курской области, мы двигались разрозненными группами по дну танкового рва. Вдруг на бруствере появилась пара лошадей, запряженных в сани-розвальни, доверху заполненные собранными на поле боя винтовками и автоматами. И какой-то командир крикнул нам: «Ребята, кто возьмется

отвезти оружие?» Вызвался я, потому что мы тащили двух раненых: Ваганова из Каслинского района и Рамиля, забыл его фамилию, из Татарии. Один из них был ранен в плечо, другой в ногу.

Мы уложили раненых на сани. Я взял лошадей под уздцы и повел их через обширное, местами вспаханное, поле. Вначале нам ничего не угрожало, но когда мы достигли зоны видимости противника, немцы открыли по нам минометный огонь. Мины разрывались вокруг саней то с одной стороны, то с другой. А снег лежал на поле не сплошь, а отдельными местами. Я стремился вести лошадей только по снегу и поэтому часто менял направление, боялся, как бы на вспаханной, непокрытой снегом земле совсем не застрять. Сколько было сил помогал лошадям, тянул их, почти все время бежал. Раненые от тряски громко стонали и посылали в мой адрес крепкие ругательства. Но смотрели на меня с благодарностью, когда мы добрались до лесопосадки, а затем и до медсанбата. Наблюдавшие за нами красноармейцы засыпали меня вопросами: «Где ты так ловко научился маневрировать и предугадывать замысел врага? Ведь немцы, как ни старались взять тебя «в вилку», — а не смогли».

За спасение, таким образом, раненых товарищей меня наградили первой медалью «За отвагу».

2. Десант на остров Хортица

Где-то 8 или 9 ноября 1943 года в распоряжение нашего батальона прибыл командир 60 гвардейской дивизии генерал Соколов и поставил задачу форсировать проток Днепра, выше разрушенной плотины Днепрогэса, высадиться на острове Хортица и держать его до подхода подкрепления. Появление в батальоне генерала говорило о важности этой операции.

Десантироваться на остров было решено ночью тремя эшелонами. Первыми отошли от берега и растаяли в темноте лодки 1-й роты. Едва смолкли в ночи звуки всплесков их весел, как над рекой повисла осветительная ракета, выпущенная с вражеского берега, и почти одновременно с ней вспыхнули яркие лучи прожекторов, вероятно вмонтированных в тело плотины. На воде все стало видно, как днем. Тишину ночи нарушили множество выстрелов, разрывов мин и снарядов. Вокруг лодок с десантом от пуль и осколков закипела вода. Ударил артиллерия с нашего берега. Погасли прожекторы, а затем и выстрелы стали постепенно затихать. Наступила неопределенная тишина. С тревогой всматривались мы в сторону острова, условный сигнал о высадке десанта не появлялся.

Поступила команда: «Вперед!» — для второго эшелона. Отошли от берега лодки 2-й роты. Но опять взвилась вверх ракета, и все повторилось, только на этот раз немцы открыли огонь еще и по нашему берегу.

После небольшой паузы наступил черед нашей 3-й роты. Все мое отделение, 11 человек, поместилось в длинной деревянной лодке, с установленным на носу пулеметом «максим». Заработали две пары весел, и лодка отошла от берега в темноту ночи, готовую в любую минуту, разразиться огненным шквалом. И когда это случилось, лодка наша стала быстро наполняться водой, продырявленная осколком, она вместе с пулеметом быстро ушла ко дну. Оказавшись в воде с оружием в шинели и в сапогах, я старался удержаться на поверхности. Мгновенно пронеслась мысль бросить автомат и попытаться снять шинель. Но вдруг я почувствовал под ногами что-то твердое, это было дно, место здесь оказалось неглубокое. Вместе со мной выходили на берег и другие бойцы.

Когда погасли вспышки выстрелов, и вновь установилась тишина, стало ясно, что высадка на остров не увенчалась успехом. А вскоре мы узнали, что десант на остров носил всего лишь демонстративный характер, имевший целью отвлечь внимание противника от

истинного места высадки дивизии, которая успешно форсировала Днепр километров в 15 ниже плотины Днепрогэса и, сокрушив оборону врага, развернула наступление в направлении Никополя. Жертвы, понесенные нашим батальоном при высадке на остров Хортица, оказались не напрасными.

3. Гроза на Днестровском плацдарме

Нейтральная полоса между нашими окопами и передней линией обороны врага, составлявшая всего метров восемьдесят, была нашпигована противопехотными и противотанковыми минами и опутана колючей проволокой, на которой висели пустые консервные банки, различные шумоиздающие предметы и мины с секретом. Однажды налетел прохладный ветерок, закапал дождь, сверкнула молния и разразилась гроза. Мы попрятались по щелям. Дождь очень скоро превратился в сильный ливень. Крупные капли буквально барабанили по плащ-палатке. На дне окопа стала скапливаться вода. Среди вспышек молний было видно, как потоки воды, пузырясь, устремились с возвышенных мест в низину, подмывая столбики с колючей проволокой, и мины на нейтральной полосе стали взрываться. Немцы, видимо, подумали, что это русские готовятся к наступлению, открыли бешеный огонь по нашим позициям. Все кругом загрохотало, полетели вверх комья земли, осколки снарядов сшибали ветки фруктовых деревьев, головы не поднять, а наши окопы все больше наполнялись водой.

Лишь только когда выглянуло солнце, и немцы убедились, что русские наступать не собираются, прекратили огонь. Команда же готовиться к бою поступила нам через несколько дней. Мы чистили оружие, заполняли диски патронами, старшина выдал каждому по сто граммов спирта, саперы накануне проделали проходы в минных заграждениях. Немцы располагались на возвышенности. Снизу атаковать их непросто. Бойцы понимали, что жертв будет много и что пройдет какое-то время и судьба разделит их на две группы: в одной останутся живые, в другой окажутся мертвые. Но духом не падали. Бодрились. «Это вам будет не гроза с дождем», — шутили они, причем каждый надеялся остаться в числе живых.

Но почему молчит артиллерия? А среди командиров — какое-то оживление... И вот хорошая новость: «Немцы снялись со своих позиций и скрытно отступили. Через некоторое время мы занимали их окопы без боя. Это произошло 20 августа 1944 года. Далее наш путь пролегал в направлении Кишинева.

4. Поле боя

В августе 1944 года мы находились в наступлении. Цепочкой друг за другом по узкой тропинке выдвигались по следам только что оставивших свои окопы немцев. Пройдя через полусгоревшую рощу, оказались на небольшом поле, на котором весной, во время прорыва наших танков за рекой Днестр, произошло сражение. И теперь, в конце лета, предстали перед нами множество разбитых и сгоревших танков, немецких и наших, с вывороченными башнями, с распушенными гусеницами, со свешивающимися из люков и валяющимися в разных позах на земле высохшими под палящим солнцем трупами танкистов. Наших. Своих немцы похоронили.

Останавливаться было нельзя. Замполит, идущий впереди, заметил: «Вот такие безымянные солдаты, как эти танкисты, в постоянных боях изматывали противника и ценой своих жизней создали предпосылки для того, чтобы состоялось, наконец, наше наступление. Разве же мы не должны отомстить за них?..» Я посмотрел на своих товарищей: они полностью разделяли мнение замполита. Слегка пригнувшись, сжимая в руках автоматы, сосредоточенные, готовые к любым неожиданностям мы продолжали

движение по перепаханной снарядами земле вперед, на свое поле боя.

5. Штурм Берлина

16 апреля 1945 года в окопах царило оживление тревожное и напряженное, словом, такое, какое бывает перед большим наступлением. Ночью, перед рассветом, началась мощная артподготовка да такая, что по силе с ней могла сравниться лишь та, что была проведена в январе на Мангушевском плацдарме на Висле. Выстрелы множества орудий слились в сплошной гул и длились часа два. Затем раздалась команда: «Вперед!» И сзади нас зажглось множество прожекторов, свет которых бил немцу в глаза, а нам освещал дорогу. Было хорошо видно идущие впереди танки.

Первую линию обороны заняли почти без выстрелов, так как артиллеристы ее всю почти перемешали с землей. Подтянули артиллерию и точно так же взяли вторую линию обороны, а затем и третью. Но дальше продвижение остановилось, так как впереди оказались сильные укрепления врага на Зеловских высотах. Пауза длилась недолго. Нашу дивизию срочно перебросили в танковый прорыв. Начались бои в самом Берлине по четко отработанному плану. По улице впереди каждой штурмовой группы двигались 2—4 танка, за ними артиллерия, а слева и справа по развалинам домов, по чердакам и подвалам — мы, пехота.

Когда подходили до перекрестка улиц, стволы орудий разворачивались часть вправо, часть влево и били по вражеским огневым точкам до тех пор, пока из них не начинал песок сыпаться. А потом вновь продолжали движение: впереди танки, за ними артиллерия, а слева и справа — по развалинам и дворам — пехота.

27 апреля к вечеру мы очистили от противника электроламповый завод «Осрам». На втором этаже цехового помещения собрались вокруг своего комполка всего 23 человека, не считая разведчиков. Впереди располагался канал, а мост через него взорван. Разведчики доложили, что по фермам обрушившегося моста пехота может перебраться на противоположный берег. И в это время подошел незнакомый полковник. Обращаясь к нашему командиру, он сказал:

- Вы подполковник Чайка? Мне приказано вас сменить, ваш полк выводится на отдых.

Сдав свой участок фронта, мы шли по улицам Берлина, которые только что освобождали от гитлеровцев. В пригороде Бисдорф в наш полк прибыло пополнение. А 8 мая вся дивизия построилась в колонну и двинулась в район Иоганисталль. Во время марша в голове колонны неожиданно началась перестрелка. Всмотревшись, я увидел, как какой-то человек бежит от полка к полку и сразу же там начинается стрельба. Оказалось, что это один из политработников сообщал в подразделения о том, что подписан акт о капитуляции Германии и что войне — конец. От радости солдаты тут же начинали палить в воздух.

Вечером, когда стемнело, в Берлине состоялся общий салют Победы. Я помню, как стоял на веранде и вместе со всеми палил вверх. А пули-то не улетали в бесконечность, они падали обратно и, как крупные градины, стучали по крышам. Но я не знаю, ни одного случая, чтобы от них кто-нибудь пострадал. Выпущенные вверх, они, израсходовав убийную силу, как обычные камни падали на землю, на которой только что воцарился мир. Закончилась самая кровопролитная в истории человечества война.

6. Колесо истории

Война закончилась. Отгремел салют Победы. А мы продолжали пребывать в Берлине. Наши гвардейцы составляли гарнизон города. Строго по уставу несли внутреннюю службу. Ходили в караул, патрулировали по улицам. Первое время размещались в уцелевших жилых домах, предварительно вынеся из квартир все лишние вещи в

подвальные помещения. Когда на ближайшую железнодорожную станцию прибыл эшелон с девушками из Союза, которые приехали с целью возвращения в Союз скота, угнанного во время войны в Германию. Гвардейцы заимели среди них подружек, вспомнили про вещи в подвалах, извлекли их оттуда и раздали своим девушкам.

Вскоре заработал в Берлине кинотеатр. Его посещали как советские военнослужащие, так и немецкие граждане. Солдаты со своими подругами тоже побывали там. Жизнь в городе поднималась из руин во всем своем разнообразии.

Однажды я наблюдал такую картину. Наша дивизия меняла место дислокации, впереди шли солдаты, позади обоз. Возле расположения союзников, где скопилось много иностранцев, дорога делала крутой поворот. В этом месте у одной из повозок выпала чека и колесо, соскочив с оси, под громкий хохот союзников долго-долго катилось вдоль дороги, затем упало на бок и несколько раз вокруг своей оси перевернулось, словно символизируя о том, что колесо советской истории, преодолев все преграды, докатилось все-таки до центра Европы и расположилось на отдых.

ОСТРОВ БЕЗЫМЯННЫЙ

В конце июля 1941 года войска 16-й армии предприняли контрнаступление на Смоленск и захватили северную часть города. Но, оказавшись в окружении, были вынуждены с большими потерями вырываться из кольца. Среди вышедших из окружения находился челябинец младший лейтенант Алексей Федулович Шендяпин. Его часть, отбиваясь от врага, не сумела сохранить свое знамя и по воинским законам подлежала расформированию.

А. Ф. Шендяпин попал в группу особого назначения НКВД 12-го воздушно-десантного корпуса, располагавшегося в Люберецком районе под Москвой. Три дня длилась теоретическая подготовка будущих десантников, затем по четыре прыжка каждый из курсантов успел сделать с парашютной вышки в Тушино. После чего неожиданно поступил приказ к выброске во вражеский тыл с заданием оказать помощь выходящим из окружения подразделениям.

О своем первом десантировании в тыл врага Алексей Федулович однажды вспоминал: «Загруженный до предела двухмоторный самолет шел за облаками, двигатели натужно гудели. Мы, десантники, стояли вплотную друг к другу в два ряда и держались за поручни. И вдруг один двигатель самолета зачихал и остановился. Самолет быстро стал терять высоту. «Без паники! Это воздушная яма», — предупредил один из летчиков. Двигатель вновь заработал, и мы с облегчением вздохнули. Летели недолго, чуть больше часа. Загорелась сигнальная лампочка. Последовала команда: «Приготовиться к прыжку!» Открыли люк. Приспособление для принудительного раскрытия парашюта отсутствовало, поэтому перед полетом всем, кто неуверенно себя чувствовал, рекомендовалось привязать кольцо к руке, за большой палец, с расчетом, что человек, потерявший самообладание в свободном падении, всегда пытается махать руками и тем самым выдергивает кольцо вытяжного парашюта...

Теоретическую подготовку мы имели неплохую, но с самолета никому прыгать не приходилось, поэтому у люка происходили заминки. Кто-то прыгнул хорошо, а кого-то приходилось выталкивать. Когда я, взглянув вниз, увидел изрезанную на зеленые квадраты землю, то очень позавидовал тем, кто сейчас на земле. Оглянулся назад — стоит майор с пистолетом. Поборов страх, прыгнул, получив под зад на прощание.

Приземлились с разбросом в три километра. Один из наших сразу же погиб. Он

44

запутался ногами в стропах и не догадался перерезать их, несмотря на то, что у него на поясе висел кинжал. Без особого труда в указанном квадрате мы обнаружили отступающие красноармейские части. Их командиры пребывали в растерянности, слабо владели обстановкой и не знали точно, где враг, а где его нет. Мы повели их по указанному в задании маршруту и благополучно вышли к своим. Столь удачно выполненное задание вселяло в нас и уверенность, и силы. Не вспоминая о заминках при первом прыжке, каждый из нас с этого момента твердо считал себя десантником.

После короткого отдыха, десантирования во вражеский тыл последовали одно за другим, в основном с целью проведения диверсий: мы выводили из строя участки железных дорог и коммуникаций противника, пускали под откос поезда, взрывали мосты. Но особенно врезалась в память высадка на остров Безымянный. Этот остров затерялся далеко в Баренцевом море. Мимо него пролегалли морские пути в Советское Заполярье. Позднее, в период «Союзных конвоев», остров стал иметь исключительно большое значение. А в момент высадки мы не могли понять, зачем нас выбросили на необитаемый островок, на котором земли-то никогда не было, одни камни. Остров на несколько сотен метров опоясывала мель. Сердитые волны, пенясь, накатывались на берег. Куда ни глянь — всюду серые волны, серое небо и лишь на северной стороне вдаль виднелась белая полоса вечных льдов. Именно в этом направлении заметили мы силуэт военного корабля. Он приближался. В бинокль хорошо просматривались кресты и свастика. Это немецкий линкор. Артиллерии на нем ого-го сколько, а у нас всего одна пушка, сброшенная на парашютах. Мы затаились, решив свое присутствие на острове врагу не демонстрировать. Линкор остановился на рейде, дал несколько залпов по острову и ушел.

На другой день к острову подошел советский буксир под номером 1100, доставил боеприпасы, продовольствие и еще одно орудие. А на утро другого дня с северо-запада появилась целая флотилия малых судов под германским флагом. Мель не позволяла подойти им близко к острову. Впереди них появилась баржа с солдатами на борту. Стало ясно, что они хотят высадить на остров десант и стараются как можно ближе к берегу продвинуть баржу. Мы открыли огонь из всех своих стволов. Закипела вода от града пуль вокруг судов и баржи. Немцы тут же ответили с кораблей артиллерией и пулеметами. Что тут началось!.. От непрерывных разрывов поднятые вверх камни, галька и песок словно висели над островом и не падали. Хорошо действовали наши артиллеристы. Несмотря на то, что бруствер их окопа был разбит, они беспрерывно вели прицельный огонь, повредили два катера и баржу. Баржа, уткнувшись носом в дно и подняв корму над водой, застряла в таком положении, с нее прыгали в ледяную воду десантники, их пытались подобрать катера. Бой длился более часа.

Отбив первую атаку, мы готовились к новым сражениям. Но немцы не появлялись. А вскоре подошел советский корабль, на котором прибыла нам смена, десант моряков-североморцев, молодых, широкоплечих, с открытыми лицами, хорошо вооруженных. На этом же корабле Мы отбыли на Большую землю. Отплывали в хмурый, пасмурный день. Свинцовые облака словно давили остров, слева, метров 200 от его берега, торчала корма поверженной нами баржи. Капитан подал команду: «Поднять якоря!» Прогремели якорные цепи, и корабль двинулся на юг, рассекая волны. Вскоре безымянный остров растаял в тумане. Было тревожно на душе за ребят-моряков, оставшихся на острове, выдержат ли они?..

После возвращения на свою базу нам предстояло сразу же готовиться к новому десантированию. Служба пошла по старому расписанию: выброска в тыл, выполнение

задания, выход к своим, отдых... и все повторялось. Зимой, в конце 1943 года, прыжок, который я совершил в предгорьях Альп, семнадцатый по счету, оказался для меня

45

последним. Мы тогда были выброшены для совместных действий с чехословацкими партизанами. А когда приземлились, выяснилось, что партизаны ушли из этого района. Нас обнаружил карательный отряд. В одном из боев с ним я почувствовал сильный удар и больше ничего... Очнулся в австрийском лазарете. Врачи были русские, из числа военнопленных. Удивился, узнав, что я два месяца находился в бессознательном состоянии.

Как-то, уже весной 1944 года, врач шепнул мне: «Уходи, завтра придут из гестапо». Я ушел. Но куда денешься в чужой стране, без знания языка. Вскоре меня вновь задержали и поместили в лагерь в 80 километрах от Вены. Там я пробыл до конца войны.

Когда возвратился домой, узнал, что дома меня уже давно похоронили. Мать рассказала, что приходило письмо от сослуживца с сообщением о моей героической гибели. В нем подробно описывался последний бой, о том, как пощупали у меня пульс, а его не оказалось. Отступали. Вынести с собой возможности не имели, так и оставили лежать полузасыпанным землей. Письмо это не сохранилось, и я не мог догадаться, кто же его автор. Но в пятую годовщину «моей смерти» он прислал моим родителям еще одно письмо с Украины. Оказалось, что это младший лейтенант Я. И. Каракаев. После чего мы с ним долго переписывались. А в 1960 году, в День Победы, встретились в Сталинграде. Купили бутылочку водки и до утра просидели в гостиничном номере, вспоминая живых и мертвых, — Алексей Федулович немного помолчал, о чем-то размышляя, потом тяжело вздохнул и с сожалением добавил, — за безымянный остров мне тогда орден Красной Звезды дали. Я его вместе с другими наградами перед последним вылетом на хранение сдал. После войны хотел разыскать, да отношения к побывавшим в плену в то время были сложные, особенно к нам, энкэвэдэшникам, мы ведь слово давали живыми в плен не сдаваться, а последнюю пулю для себя хранить, попробуй докажи, что в плен попал без сознания...»

После войны А. Ф. Шендяпин работал в управлении механизации машинистом-крановщиком на строительстве Челябинского металлургического комбината. А сейчас, будучи на пенсии, все свободное время отдает своему садовому участку, выращивает замечательные яблоки, груши, вишню и считает своей главной задачей успеть до весны построить теплицу, чтоб обеспечивать своих внуков круглый год зелеными овощами.

С ПЕСНЕЙ ПО ЖИЗНИ

До войны среди необычайно популярных песен, созданных советскими композиторами, особенно были любимы: «Конница Буденного», «Дан приказ ему на запад», «Там вдали за рекой», воспевающие героике революции и Гражданской войны, а также радостные задорные песни мирной жизни: «Широка страна моя родная», «Москва майская», «Молодость», песни из кинофильмов: «Вратарь», «Первая перчатка», которые пели в СССР от мала до велика. «Вот и я, — вспоминала Валентина Константиновна Шилова, — начала петь еще в школе, в пионерском отряде. Одной из любимых моих песен была песня из кинофильма «Семеро смелых». Я восторгалась игрой народных киноартистов Тамары Макаровой и Любови Орловой, подражала им, старалась походить на них и мечтала научиться петь так, как пела Любовь Орлова. Но началась война. Старшие товарищи убеждали меня, что на фронте не до песен, там нужны пушки и пулеметы. Да я и сама

понимала, что Родина в опасности и ее нужно защищать. Поэтому, как и многие комсомолцы, подала заявление в военкомат с просьбой направить меня добровольцем на

46

фронт. Мою просьбу удовлетворили не сразу. Вначале зачислили на курсы медсестер и только 15 февраля 1942 года вручили повестку в армию. В Подмоскowie, куда нас привезли, выяснилось, что медсестер прибыло больше, чем требовалось. Поэтому меня быстро переучили на связистку-телефонистку, и вскоре я оказалась на Карельском фронте, который тогда уже стабилизировался. Мы располагались в землянках, захваченных у противника, и возмущались тем, как оккупанты варварски вырубали знаменитые карельские березы и использовали их для обустройства своих сооружений. Здесь я впервые усомнилась в утверждении некоторых, что на фронте не до песен. Часто, особенно по праздникам, мы собирались в солдатском кругу. И тогда звучали над заснеженными полянами среди сосен и берез наши песни. Они побуждали бойцов задуматься о родине и солдатском долге, воодушевляли их, вселяли уверенность в скорую победу. Вот здесь командиры и заметили, что я неплохо пою. И когда пришел приказ о создании фронтовых концертных коллективов меня зачислили в формируемый красноармейский джаз-ансамбль, в котором оказались замечательные профессиональные и самодеятельные музыканты. Мы выступали с концертами на переднем крае фронта перед бойцами, исполняли популярные произведения, пародии на Гитлера и песни военного времени: «Синий платочек», «Огонек», «Грустные ивы». Знали бы вы, с какой теплотой встречали бойцы наши выступления, как они аплодировали, просили повторить «Синий платочек» еще и еще раз. Я испытывала удовлетворение от таких концертов, а чувство гордости, от того что нахожусь на своем месте и делаю нужное для победы дело, переполняло меня.

Наш ансамбль находился при 43-й восстановительной железнодорожной бригаде, двигавшейся во 2-м эшелоне. Служба наша проходила под девизом: «Сегодня артисты – завтра бойцы». В период между концертами выполняли различные поручения. Однажды в свободное время под Лугой мы пошли в лес за клюквой. Шли по заболоченному участку. И вдруг за деревьями увидели ужасную картину недавних боев: несколько трупов немецких солдат, очевидно провалившихся в болото и лихорадочно пытавшихся выбраться из него, так и остались навечно среди болотных кочек. Ветер шумел в ветвях деревьев, шевелил волосы на одном из оккупантов. Мы, сломя голову, бросились бежать от этого места, и клюква нам стала не нужна.

Однажды, следуя на крытом грузовике на очередной концерт, мы, сами не зная как, оказались в окружении. Наши командиры переговаривались в полголоса, кругом слышались отдельные выстрелы. Я сидела в напряженном ожидании, что вот-вот сейчас раздастся команда: «Руки вверх!» И плен... Мне тогда действительно было страшно. Но все обошлось.

Войну закончила в Германии. Город Бреслау запомнился сильно разрушенным. Даже дорога дымилась под колесами нашей автомашины, когда мы ехали по его улицам. Здесь же, в городе Гинденбурге, среди городских развалин, мы дали свой последний концерт с кузова грузовика, превращенного в импровизированную эстраду. Среди слушателей мне особенно запомнились русские женщины, угнанные в начале войны в Германию и работавшие не в лагерях, а у отдельных хозяев. Слушая «Синий платочек», они плакали и радовались, обнимали, целовали нас, артистов. Одна женщина рассказала мне, как у нее забрали ребенка и отправили неизвестно куда. И что теперь, с приходом советских войск, она надеется найти его.

Перед отъездом на родину артистам ансамбля комендант города Гинденбурга устроил прием и вручил подарки. Мне достался дамский велосипед. Я привезла его в СССР, и он

долго служил мне верой и правдой, напоминая о тяжелых днях испытаний, которые выпали на нашу долю».

После войны В. К. Шилова окончила музыкальное училище. В 1952 году руководила художественной самодеятельностью на АМЗ. 15 лет являлась артисткой хора Челябинского театра оперы и балета. А выйдя на пенсию, организовала хор «Боевые подруги». Этот хор под ее руководством долго радовал своих поклонников исполнением русских и советских песен, песен времен Великой Отечественной войны. К сожалению, теперь они все реже и реже стали звучать со сцены.

В настоящее время В. К. Шилова много времени уделяет ветеранской работе. Является членом совета челябинского клуба «Боевые подруги» и возглавляет городской совет ветеранов Карельского фронта, оставаясь, как и прежде, на боевом посту

ЗА ОБОРОНУ СТАЛИНГРАДА

Борис Васильевич Шматков инженер-энергетик после окончания в 1949 году Уральского политехнического института имени С. М. Кирова в г. Свердловске, работал на ТЭЦ Челябинского металлургического завода. Затем вводил новые энергетические мощности в Туркмении, Пермской области. За пуск в эксплуатацию и освоение Джамбульской ГРЭС был удостоен ордена Трудового Красного Знамени. В свободное от работы время с увлечением занимался легкой атлетикой, лыжами, участвовал в художественной самодеятельности. Всегда выглядел бодро, и только его близкие друзья знали, что носит он в себе 52 осколка, доставшиеся ему в последнем бою под Ворошиловградом.

«Большие осколки, – рассказывал Б. В. Шматков, – врачи повытаскивали, 5 осколков из меди сами вышли нарываами, а 52 мелких из чугуна и стали лежат спокойно, тревожат только в непогоду.»

В Красную армию призвали Б. В. Шматкова в 1941 году после окончания десятого класса. В 1942 году его включили в особую автоматную роту и перебросили на пополнение подразделения 1-й гвардейской армии в район Верхнего Мамона, где на противоположном берегу реки Дон занимала позиции 8-я итальянская армия, нацеленная на деблокирование оказавшейся в Сталинградском котле группировки Паульса. «Здесь я и получил боевое крещение, – продолжал рассказ Б. В. Шматков. – Ночью нашему взводу было приказано по льду скрытно преодолеть Дон и захватить плацдарм на противоположном берегу. Но враг, постоянно запускавший осветительные ракеты, нас обнаружил и открыл жуткий огонь из разных видов оружия. Мы вынуждены были отойти, не выполнив задания. Утром командир взвода успокоил своих бойцов, сказав, что главной целью нашей операции было выявление огневых точек противника и эта цель достигнута. В начавшемся вскоре наступлении нашему взводу определили место в резерве, а 1-й взвод пошел вперед. И на наших глазах погиб. Потому что накануне всем нам выдали противотанковые термические шашки, они обладали свойством при ударе о броню воспламеняться, выделяя температуру, при которой плавился металл. Эти шашки хранились у нас в вещмешках. В ходе боя в 1-м взводе шашки у бойцов стали воспламеняться, и все 18–19-летние ребята, мои ровесники, сгорели. Я даже сейчас с трудом сдерживаю слезы, когда вспоминаю этот эпизод. После этого случая термические шашки нам приказали сдать.

Советские войска, упреждая попытки противника вырваться из Сталинградского котла, провели в середине декабря наступательную операцию, в результате которой 8-я

итальянская армия и оперативная группа «Холлид» были разгромлены. Но и мы понесли большие потери. В нашей роте, к примеру, осталось 7 человек из 110. Замполит построил нас всех, оставшихся в живых, поздравил с победой и каждого крепко обнял и расцеловал. Не знаю почему, но вначале на фронте мне часто везло. Однажды иду я с термосами, несу кашу и чай в роту. Вдруг словно земля разверзлась передо мною. Это немцы дали залп из шестиствольного миномета. Осколки, словно тысячи пчел, прожужжали под ухом. Я упасть-то не успел. В глазах помутилось, шум в ушах, но ни один осколок не задел тогда меня. А позднее под Миллерово мне дали задание отнести донесение в штаб дивизии. Я шел с передовой через занесенную снегом поляну, мимо сожженного села, от которого остались только печи да трубы домов. Тропинка, извиваясь, уходила в гору. Там, за горой, в блиндаже располагался штаб, до которого было совсем недалеко. Вдруг раздался свист пуль, слышу «та-та-та». Я упал в снег. Падая, увидел по ту сторону замерзшего ручья крупнокалиберный пулемет и двух немцев, ведущих огонь. И мне показалось, что немцы скалят зубы, смеются надо мной. От мысли, что меня убьют, перехватило дыхание. Соображаю что делать. Долго в снегу лежать нельзя, подстрелят. Вскрываю и, меняя направление, бегу. Услышав пулемет, падаю. И так раза три. Прибегаю в штаб. На меня смотрит телефонистка с удивлением. «Что с вами?» – спрашивает. Оказывается, вид у меня тогда был весьма и весьма бледный.

Обратно из штаба я пошел другой дорогой. Когда проходил мимо нашей минометной батареи, минометчики засыпали меня вопросами.

– Ты жив? Тебя не подстрелили? А нам показалось, что ты, убегая, захромал.

– Так как же это так, вы видели, что меня убивают и не помогли?! – с гневом и упреком выпалил я им, не скупясь на выражения.

– А нам нельзя обнаруживать свои огневые точки, – спокойно ответил их командир.

Война для меня неожиданно завершилась на пути к Ворошиловграду. Мы преследовали противника. Шел бой. Пригнувшись, я перебежал дорогу на открытую местность, увидев удобную для стрельбы позицию, залег. В это время совсем рядом, почти под боком, разорвалась мина. И я словно провалился в бездну. Потом мне стало казаться, что я иду по какому-то узкому тоннелю, а впереди что-то светится голубое-голубое. И так легко и хорошо на душе. Но вдруг все это исчезло. Вижу кровь, одна рука безжизненно висит. Думаю, пока силы есть нужно вставать. Встал. Подбегаю к красноармейцам заградотряда. «Ребята, – кричу, – перевяжите рану». – «А что тут перевязывать? У тебя половины спины нет, лопатка вывернута, легкое видно, две пробоины в голове, – говорят мне. – Вон видишь, лошадка с санями стоит, иди туда, сейчас раненых в медсанбат повезут.» Я подошел, упал в сани и потерял сознание... В санбате под наркозом мне сделали операцию. Очнулся, когда меня заносили в какую-то хату. Женщина-хозяйка спрашивает:

– А этого-то зачем несете?

– А он еще живой, – сказали санитары и ушли.

Эта женщина меня из ложечки кормила. И потихоньку я стал поправляться. Больше всех этому радовалась молодая врач, которая делала мне операцию. По-видимому, она не верила, что я выживу. А я выжил. Меня перевели в лазарет, расположенный в школе. Там через какое-то время подошла к моей койке медсестра и спрашивает:

– Ты домой-то хоть одно письмо написал?

– Нет, – говорю, а сам стараюсь вспомнить адрес своего дома и не могу понять, откуда я. С ужасом понял, что в моей памяти провалы.

К счастью память вскоре восстановилась. Нас, группу раненых, переправили в

Балашовский госпиталь, а оттуда – в глубокий тыл, в госпиталь г. Читы, где я пробыл до конца 1943 года, и был выписан инвалидом. Приехал на Урал, поступил учиться в институт, и с этого момента началась у меня новая жизнь».

25 июля 2008 года Борис Васильевич отметил свое 85-летие. Он по-прежнему выглядит бодро. Участвует в хоре ветеранов Курчатовского района. В детстве он, как и многие мальчишки, мечтал стать моряком, поэтому своей любимой песней считает «Прощайте, скалистые горы...» Его часто приглашают на свои мероприятия школьники. Идя к ним в гости, он надевает парадный костюм с множеством наград, среди которых самой дорогой считает медаль «За оборону Сталинграда».

РАССКАЗ СЕРЖАНТА ШИНЕЛЕВА

Провожали нас на службу в армию 14 июня 1941 года, как и всех, шумно, с песнями, с гармошкой и со слезами. А 19 июня мы уже прибыли в Житомир, в расположение своей части, где нас постригли наголо, сводили в баню, выдали обмундирование. А через три дня над Житомиром появились зловещие самолеты с белыми крестами на крыльях и сбросили первые бомбы в районе железнодорожного вокзала. Только вечером нам объявили о том, что началась война. Каждому выдали походное снаряжение и самозарядные винтовки СВТ новейшего образца. С наступлением темноты мы двинулись походным маршем через город. Люди смотрели на нас с надеждой, обращали внимание на наши винтовки с кинжальными штыками, спрашивали: «Что это за армия идет?» Выйдя за город и прошагав еще километров двенадцать, мы погрузились в стоящий на перегоне эшелон и двинулись на передовую. Стрелять учились на ходу поезда, через окно вагона, целясь по верхушкам деревьев, каждому полагалось произвести по три выстрела. Вот и вся боевая подготовка. Правда, многие из нас до призыва в армию занимались в кружках Осоавиахима. Я, например, хорошо знал пулемет, имел значок «Ворошиловский стрелок», мог управлять автомобилем, все это теперь пригодилось.

3 июля прибыли в район Новоград-Волынского и сразу вступили в бой. Атаки немцев накатывались на нас, как волны. А на каждой волне танки, пехота и минометы. Что могли мы сделать со своими винтовками? Да ничего. Но за нашими спинами располагалась батарея, она была прямой наводкой по немцам. После каждого залпа батареи теплым воздухом обдавало наши позиции, и это вселяло в нас уверенность. Бой длился с 8 часов утра до 4 часов вечера. После чего — отход на новые рубежи, и все повторялось вновь.

Под Киевом земля песчаная, мы оборудовали там хорошие окопы. Но когда начался бой, от разрывов снарядов и мин стенки окопов обвалились, и мы лишились укрытий. Здесь я получил сразу два пулевых ранения и попал в госпиталь.

После госпиталя мне опять не повезло. При обороне Запорожья немцы обошли нашу 74-ю стрелковую дивизию и слева, и справа. Фактически мы оказались под угрозой окружения. Нужно было срочно отходить.

С нами двигались восемь танков КВ и много гражданских лиц. Подъехал какой-то майор верхом на лошади и приказал в недалеко расположенной кузнице установить пулемет, подавить немецких автоматчиков и тем самым прикрывать отход основных сил. Выбор пал на меня. Мне дали двух помощников и три коробки с лентами. Мы установили своего «максима», провели наблюдение и накрыли противника, двигавшегося вдоль дороги. Противник быстро исчез из поля зрения, а потом пытался обойти дорогу стороной, но мы доставали его и там. Вокруг кузницы защелкали пули. И вдруг взрыв. Меня выбросило из кузницы метров на десять. Когда очнулся, увидел перед собой каких-то женщин и санитаров. Из носа и ушей текла кровь.

И вновь госпиталь. И вновь выжил, правда, долго после этой контузии заикался. Дошел до Берлина. В Германии нас переформировали в отряд особого назначения и перебросили в Польшу для борьбы с банд-формированиями. Из Польши прибыли в Минск, где, после короткого отдыха, получили новое обмундирование и стали готовиться к отправке на Дальний Восток. И уже перед самой отправкой неожиданно поступила команда «Отставить!»

А у меня к этому времени опять открылось кровотечение. Врачи долго искали причину, пока не обнаружили язву желудка. После чего демобилизовали, и служба в армии для меня завершилась.

Врач-хирург на прощание спросил:

- Куда поедешь?

- В Челябинск, — ответил я.

- С таким желудком в Челябинске нечего тебе делать.

- Да я не в сам Челябинск, а в деревню, к родителям.

- Ну, это еще куда ни шло, — сделал заключение хирург.

Попрощавшись с друзьями, закинув за плечи свой солдатский вещмешок, я на попутной полutorке доехал до железнодорожного вокзала и впервые после долгих лет войны почувствовал себя абсолютно свободным, мирным человеком».

Этот рассказ записан со слов известного в Челябинске строителя Анатолия Ефимовича Шинелева, так и не прижившегося на селе. Окончив Челябинский строительный техникум, он работал на стройках области. Принимал участие в строительстве цеха фольги № 1 в Кыштыме, объектов цинкового завода, Челябинского аэропорта, дорог, а перед уходом на пенсию работал в «Челябагропромстрое», сделав многое для последующих поколений как солдат, строитель и гражданин.

ИЗ РОДА МАСТЕРОВЫХ

Широков Дмитрий Федорович высокий, крепкий из семейства челябинских кузнецов. Его дед ковал железные решетки для ограды городской больницы, которые и по ныне украшают центр города. А отец, Федор Николаевич, унтер-офицер, участвовал в первой мировой войне, отличился в Брусиловском прорыве и имел полный бант Георгиевских крестов, причем последний золотой Георгиевский крест он получал из рук царя Николая второго. На фронте отец был ранен, в госпитале ему удалили три ребра. Но в годы Великой Отечественной войны он в полную силу работал в кооперативе «Кузнец», что находился на месте нынешнего цирка, изготавливал различные детали для нужд фронта.

Сейчас Дмитрию Федоровичу 88 лет, он родился 8 ноября 1922 года. После школы окончил Уфимское пехотное училище и начал войну командиром роты.

«В школе,- рассказывал Д.Ф. Широков,- у меня был замечательный друг и товарищ Евгений Козлов, сейчас он Евгений Николаевич - почетный председатель Челябинского городского комитета ветеранов войны и военной службы. После окончания школы Евгений сильно заболел. Перед отъездом в училище я навестил его в больнице. Он был в безнадежном состоянии, и я думал, что прощаюсь с ним навсегда, но 1945 году, уже после победы, я дежурил в Дрезденской комендатуре, и вдруг вижу, открывается дверь и заходит Евгений Козлов с лейтенантскими погонами на плечах, правда, в обмундировании стареньком. Он возвращался из госпиталя в свою воинскую часть. Радость, которую мы одноклассники, испытали тогда при встрече, в наше время ни с чем невозможно сравнить.

Мы крепко обнялись. Я забрал его к себе на несколько дней, и мы до полуночи вспоминали свою школьную жизнь, учителей, одноклассников и, конечно же, свой родной город Челябинск. На груди у Евгения Николаевича ярко блестел орден Красной Звезды.

- За что получил? – спросил я.

- За штурм Берлина,- ответил Евгений и добавил,- там меня и ранило.

Я же ему тоже рассказал эпизод, который для меня едва не оказался последним: «Наша колонна минометной батареи в 10 стволов двигалась в трех километрах от передовой. На опушке леса мы обнаружили окопы, кем- то начатые, но до конца не дорытые. Пока разбирались, чьи это окопы, немцы, обнаружив нас, открыли огонь из крупнокалиберной артиллерии. Я скомандовал: «В укрытие!» Все разбежались по окопам. В пылу я тоже прыгнул в одиночный окоп, а там уже был солдат. Выбрав момент, я перебежал в рядом вырытую траншею. Когда артобстрел закончился, оказалось, что в тот окоп, в который я прыгнул первый раз, попал снаряд. И от находившегося там солдата ни одной косточки не осталось».

На прощание мы с Евгением обнялись еще раз, вдвойне радуясь, что война кончилась, и мы остались живы. А потом Евгений Николаевич пошел догонять свою воинскую часть.

Встреча с одноклассником навяло на меня массу воспоминаний о пройденном пути, в том числе и о том, о чем я старался не вспоминать. Однажды в землянке нас осталось двое. Прервалась связь. Я послал связиста найти повреждение. Он ушел. Время идет, а его все нет и нет. И тогда я пошел сам. И обнаружил, что мой связист жив и здоров, об исправление связи он и не думает, а обшаривает карманы трупов. Это же явное мародерство, вскипел я. Выхватил пистолет и думаю, сейчас я его пристрелю, а с кем мне дальше придется воевать? Я дал ему хорошенько рукояткой пистолета по шее, потом вместе нашли повреждение кабеля, устранили его и оба вернулись в землянку. Но он это дело не бросил, Однажды ночью без разрешения слазил на нейтральную полосу, а когда возвращался, пуля попала ему в зад и вышла возле шеи. Утром закопали его, и на этом история с мародерством в моей роте закончилась.

Другой неприятный случай произошел под Старой Руссой, тогда мы после марша остановились на ночлег в густом лесу. Нарубили веток, устроили шатры, установили телефоны, развели костры для обогрева. И я прилег поспать, а вестовому сказал, чтоб он просушил на костре мои валенки. Утром он приносит мне валенки, хорошо просушенные. Но когда я их стал надевать, у одного валенка отвалился носок, а у второго вся задняя часть валенка. Что делать? У меня же размер обуви 47-й размер, где мне такие валенки взять в лесу? Помогли мои ребята, они сходили на поле боя, нашли труп здорового фашиста и отрубили его сапоги вместе с ногами, принесли в наш бивуак, отогрели на костре, ноги выбросили, а сапоги вручили мне. Я стал надевать их, ну хоть плач, эти сапоги на мою ногу не лезут. Ребята еще раз посетили поле боя и принесли оттуда ботинки с кожаными шнурками. Я вышел из создавшегося положения так. В начале надевал голенища от сапог, а потом ботинки. И так ходил до весны, пока не нашлись для меня подходящие сапоги.

Я уже был в новеньких сапогах, когда немцы неожиданно напали на нас, началась пальба с обеих сторон, и было трудно разобрать, кто и откуда бьет. Рядом со мной стоял станковый пулемет. И вдруг я увидел, наставленный на меня гитлеровцем ствол пистолета. Я среагировал моментально, выстрелил в фашиста из своего ТТ. Немец тоже выстрелил. Последнее, что я увидел, как наш станковый пулемет, кувыркаясь, полетел вертикально вверх. Когда же пришел в себя, то увидел под облаками белые полосы летящих снарядов и в ту, и в другую сторону. Поблизости услышал немецкую речь. Достал свой партбилет, затолкал его в сапог, и вновь потерял сознание. А когда очнулся,

увидел солдат, бегущих с нашей стороны. Я закричал. Солдаты оказались из соседней роты нашей части. По ходам сообщения они доставили меня в медсанбат. Потом в госпитале врач, удивляясь, говорил мне: «Пуля попала в голову, и очень удачно, но если бы еще чуть, чуть...» Но этого «чуть-чуть» не произошло, и я продолжил путь к победе.

Другое, более серьезное, ранение я получил, командуя ротой штрафного батальона. К нам в тот день только что прибыло пополнение, несколько офицеров, по какой-то причине оказавшиеся на территории противника. С них сняли погоны, и как бойцов переменного состава зачислили в мою роту. А через некоторое время началась настоящая рубка. Во все стороны полетели пули и осколки снарядов, и негде от них было укрыться. И я опять оказался в госпитале.

После выздоровления из госпиталя меня направили в Свердловский запасной полк, где выздоравливающих бойцов, начали готовить к административной службе в комендатурах освобожденных немецких городов. Я попал в Дрезден. Дрезден был разбит в пух и прах авиацией союзников. Он весь лежал в развалинах. В городе отсутствовали военные объекты и разрушать такой красивый город не было ни какого смысла. По-видимому, союзники старались, зная, что по договоренности Дрезден будет входить в советскую зону оккупации и крошили город, чтоб он не достался русским. Первое, чем занялись мы в комендатуре, это собрали оставшихся в живых жителей и организовали расчистку дорог, одновременно хоронили останки погибших.

В комендатуре у меня был всего один подчиненный, солдат вестовой. После окончания войны мирная жизнь в Германии тоже налаживалась. Я купил себе легковую машину, а шофером подобрал немца, знавшего русский язык. Он когда-то жил в СССР, строил Харьковский тракторный завод, жена у него была писательница, переписывалась с Максимом Горьким. Однажды в горах Саксонии мы заехали в заведение, напоминающее небольшой ресторанчик. А там местные жители играли свадьбу. Было много молодежи. В зале стоял музыкальный инструмент, вроде пианино. Бросишь в него монетку, и он исполнит по твоей заявке мелодию. Я обратил внимание, что одна необычайно красивая девушка внимательно за мной наблюдает, рядом с ней сидел ее муж, по-видимому, раненый. Я тогда был молодой, ростом под метр девяносто, не скрою, был красивым. На ее мужа не обращал внимания. Были мы в штатских костюмах. И вдруг эта красивая девушка подходит ко мне и ложит свои руки мне на плечи, то есть приглашает меня на танец. Я станцевал с ней, подвел ее к мужу, поцеловал руку и мы пошли к выходу. Оглянувшись, я заметил, как эта девушка делает мне руками непонятны знаки. Уже в машине я спросил шофера, что означали эти знаки?

- Ты должен был поцеловать ее в губы,- пояснил шофер.

- А ну разворачивая обратно,- скомандовал я.

Подошел к этой прелестной девушке и трижды исполнил ее желание.

Из немецких трофеев всегда стояла у меня на столе бронзовая фигурка атлета. А у моего друга по комендатуре была по размерам точно такая же бронзовая фигурка девушки с мячом. Я предложил ему поменяться, но он отказался, объяснив, что это подарок ему от немецкой баронессы Магды. Вскоре из Союза к моему другу приехала его жена. И вначале они жили тихо и мирно. Но однажды между ними разразился настоящий скандал. Жена друга, узнав о подарке ее мужу от баронессы Магды, схватила статуэтку, попыталась ее сломать и выкинула статуэтку в окно с третьего этажа. Я моментально побежал вниз нашел статуэтку в кустах сирени. Другу же позднее подарил статуэтку своего атлета. А вот эта «девушка с мячом» до сих пор стоит у меня на видном месте, напоминая о далеко ушедшем времени».

После демобилизации Дмитрий Федорович окончил юридический институт и более 20

лет возглавлял юридический отдел крупнейшего на Южном Урале строительного треста «Челябметаллургстроя», о котором он вспоминает с особой гордостью. «И живу-то я, - говорит он, - в Metallургическом районе, на улице Сталеваров, в доме, построенном при моем участии. - И немного помолчав, добавил, - славный был трест, по заслугам награжденный орденом Ленина, за короткий срок им построен город в городе Metallургический район и заводы-гиганты».

Прощаясь после беседы с Д.Ф. Широковым, подумалось тогда: восстановление разрушенного войной народного хозяйства, превращение СССР в последующие годы в огромную строительную площадку было второй победой поколения победителей и созидателей. Поколения, к которому принадлежит Дмитрий Федорович.

БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ

В годы большого строительства в Metallургическом районе города Челябинска самой «горячей точкой» становился бетонный завод. Здесь в диспетчерской, телефоны звонили не умолкая. Диспетчер Владимир Федорович Шугаев одной рукой снимал телефонную трубку, другой выписывал сопроводительные к бетону документы, отвечал по телефону, передавая команды по громкоговорящей связи на пульт управления, разъяснял водителям автосамосвалов, как проехать на тот или иной объект. И лишь за час-два до окончания смены темп спадал, спрос на бетон становился минимальным, в диспетчерской наступало некоторое облегчение. Однажды в такой момент один из не нюхавших пороха сотрудников заметил диспетчеру: «Сегодня было жарко, как на фронте». «О, нет, — возразил ему Владимир Федорович, — наша суматошная работа — это курорт по сравнению с войной». И рассказал о своем боевом крещении:

«На передовую я попал в погонах курсанта военного училища. Еще вчера — Саратов в глубоком тылу, учебные занятия, увольнения, а сегодня — приказ о форсировании Днепра. Дело это происходило в районе Кременчуга. В лодке, кроме меня, сидело еще четверо пропахших порохом солдат и лейтенант. А на веслах был пожилой солдат из резерва в нахлобученной до ушей пилотке, в засаленной до последней степени гимнастерке. Посреди реки он вдруг снизил темп и, глядя на приближающиеся вражеские самолеты, растерянно пролепетал: «Ну, братцы, не дойдем...» «Вперед, тыловая крыса!» — вскипел лейтенант и выхватил пистолет из кобуры. «Да какая же я тыловая крыса?» — с этими словами мужичок сорвал свою пилотку и наклонил голову, и я увидел, что часть черепной коробки у него отсутствует, а под тонкой кожицей пульсирует мозг живого человека.

Лодка на воде — хорошая мишень для самолета, и мы все оказались в воде, вскипающей от разрывов бомб и снарядов. Мне удалось ухватиться за остатки разбитого деревянного плота и добраться до берега.

А за Днепром на земле не оставалось живого места. Земля была изрыта воронками и траншеями. Мы продвигались вперед, считая каждый метр. Мне дважды приходилось ходить в рукопашную, фронтовики знают, что это такое. И все же потрясения, которые я испытывал при переправе через Днепр, не могу забыть по сей день.

Позднее я пытался узнать о судьбе моих товарищей по лодке, но безуспешно».

Старший инженер производственно-технического отдела «Промотделстроя» Михаил Васильевич Щавелев ушел на пенсию несколько лет назад. С трудовым коллективом, ставшим ему родным, не прерывает связь. Часто заходит в отдел, интересуется работой, всегда готов помочь товарищам и советом, и делами. На строительстве объектов металлургического завода и района он зарекомендовал себя как результативный, грамотный и безотказный специалист. Работалось с ним легко, его все уважали, но не все знали о том, как нелегко складывалась его жизнь. Однажды он поделился своими воспоминаниями:

«Для меня мирная жизнь закончилась в мае 1942 года. На фронт я ушел с третьего курса Магнитогорского педагогического института. Привезли нас под Тамбов, высадили и объявили о том, что мы теперь являемся бойцами 179-го укрепрайона. Недели две нас обучали, вместо винтовок — палки, вместо пулеметов — трещотки. А потом строевым шагом отправили на вокзал для посадки в эшелоны.

И вот судьба, наверное, такая: только мы покинули военный городок, как его атаковали немецкие самолеты. И мы уже с вокзала наблюдали, как встает на дыбы земля в районе наших бывших казарм.

В поезде выдали обмундирование и оружие, винтовки и пулеметы, показали, как ими пользоваться. 179-й укрепрайон располагался за Воронежем и представлял собою мощные железобетонные колпаки с амбразурами, соединенные между собой ходами сообщения. Сидим мы под этими колпаками, а вокруг нас степь гудит от отступающих войск. Прилетели немецкие самолеты. Вначале нам было даже интересно наблюдать, как отделяется от самолета бомба, как она падает, как происходит взрыв. Но сами немцы не появлялись.

Просидев таким образом больше недели, мы узнали, что немец ушел далеко на восток, а мы оказались у него в тылу и нужно срочно выходить из окружения. Шли только по ночам, днем отсиживались в лесу. За немцами угнаться не смогли, они двигались быстрее нас. В конце концов, нас окружили танки, и последовала команда: «Рус, сдавайся!». Я и еще несколько человек успели спрятаться в заросшей травой меже, между полями. Но через несколько дней и нас тоже взяли, отвезли на юг, в горы, и использовали как вьючных животных. Навешают на нас различные грузы, а сами идут сзади. Был такой случай: один из наших стал спотыкаться, подошел конвоир, снял с него груз и повесил его на меня, а пленного отвел шагов на пять от дороги и на глазах у всех расстрелял длинной очередью из автомата.

Итоги Сталинградской битвы немедленно сказались и на Кавказе. Немец пошел на попятную. В горах канонаду слышно особенно хорошо. Одно время казалось, что она совсем рядом. И я решил бежать. Мне это удалось. Долго пробирался на доносившиеся звуки боя. И был близок к цели. Как вдруг у станицы Дундуковской, километрах в сорока от Майкопа, меня настиг казак верхом на лошади, в кубанке, с красными лампасами, вооруженный. Старые казаки тогда воздерживались служить немцам, а молодые — случалось. Он огрел меня нагайкой, привел в комендатуру, представился как Дьяченко и доложил: «Подпольного еврея поймал». Два немца раздели меня и стали определять, кто я такой. Один говорит — еврей, другой говорит — нет. Вмешался деникинский офицер с распухшей от водки рожей, пришедший из-за рубежа с немецкой армией: «Да нет, какой он еврей, это наш». После чего меня втокнули в кутузку, а потом отправили опять в транспортную команду.

Немцы к тому времени настолько привыкли к тому, что мы не убежим, что стали оставлять нас без присмотра. В один из таких моментов я, лейтенант и старший лейтенант

решили рискнуть. Но как? Уходить по огородам, по следу, остающемуся на снегу, — догонят. По улице? Там немцы драпают. И мы решили — по улице. На этот раз удача нам сопутствовала. К вечеру, добравшись до какого-то села, мы постучали в избушку и попросились на ночлег, думая, что это только мы такие смелые, а избушка оказалась битком набитая такими же, как мы, беглыми.

Через два дня спустились с гор наши — худые, помятые, небритые, знаки различия на петлицах нарисованы химическим карандашом, не войско, а что-то вроде партизанской команды. И сразу же почти с кулаками набросились на нас: «Мы кровь проливаем, а вы тут...»

Ну а дальше в составе 4-го гвардейского механизированного корпуса я шел на запад. В Белгороде получил ранение в руку. После госпиталя принимал участие в освобождении Молдавии, Югославии. В Венгрии был ранен в ногу — и опять госпиталь. День Победы отмечал в Австрии. Здесь же и произошло у меня «ЧП», которое перевернуло всю мою жизнь. Однажды я познакомился с очаровательной мадьяркой с бархатными ласковыми глазами, мы долго с ней бродили по притихшим городским окраинам, посидели на берегу пруда, а потом я зашел к ней домой и пробыл больше, чем полагалось. А когда вернулся в часть, части уже не было, одни колышки остались. Я помчался вдогонку, но догнал не свою часть, а Уральскую бригаду. Меня задержали. Судили. И как я ни оправдывался, решающим, по-видимому, оказалось то, что мой отец, сотрудник газеты «Магнитогорский рабочий», и дядя, бригадный комиссар ВВС оказались перед войной в числе репрессированных. И мне приписали статью «Дезертирство с целью невозвращения на родину». Пришлось мне отбывать срок в лагерях до тех пор, пока не умер товарищ Сталин.

А потом работал, учился в техникуме. Своей профессией строителя горжусь. На том свете всевышнему буду представляться только как строитель «Челябметаллургстроя», — пошутил, улыбаясь, Михаил Васильевич.

ПЕРВЫЕ ДНИ

Официально Великая Отечественная война началась 22 июня 1941 года в 4 часа утра. Я же со своими товарищами оказался в ее окопах на 4 часа раньше, потому что служил в особых частях по охране государственной границы, проходившей в то время по территории современной Польши за Белостоком, по реке Западный Буг.

С начала 1941 года Германия, слегка маскируя свои действия, концентрировала войска вдоль границы СССР, в том числе и в районе нашей погранзаставы. А с 1 июня совершенно открыто сосредоточивала большое количество танков, артиллерии и солдат.

Наши разведчики докладывали, что война начнется 22 июня в 3 часа 30 минут утра. Мы с тревогой смотрели на западный берег Буга. Всем хотелось узнать тогда, а что думают об угрозе войны дома, в Союзе. На страницах газеты «Правда», которая выходила в то время на двенадцати страницах и поступала к нам с небольшим опозданием, было тихо и спокойно. Публиковались сводки выполнения плана сева яровых, подробно описывалось о вскрытии и исследовании гробниц Тимура и Улуг-Бека, о применении металлургами Магнитогорска электропушки для забивки летки доменных печей, о выпуске заема третьей пятилетки и о ходе успешной подписки на него в Челябинске. А

между тем 21 июня немецкие солдаты и офицеры получили приказ: до 12 часов ночи привести себя в порядок, почиститься, побриться, чтобы, вступая на территорию СССР, иметь элегантный вид.

В районе нашей заставы проходила дорога из Варшавы на Белосток и далее в СССР. Нетрудно было предположить, что немцы именно здесь пойдут в наступление, поэтому заблаговременно были построены мощные железобетонные укрепления, которые имели толщину стен, обращенных к противнику, до полутора метров, а с тыльной стороны – до одного метра. Перекрытие, кроме железобетона, имело тридцатисантиметровый слой резины. Эти доты надежно укрывали своих защитников от снарядов, бомб и располагались в шахматном порядке на расстоянии от 150 до 300 метров друг от друга. В каждом доте имелось от трех до пяти бойниц. Но беда заключалась в том, что эти укрепления не были укомплектованы вооружением. Когда стало очевидным, что завтра начнется война, – не ожидая указаний сверху, командование погранрайона распорядилось с вечера 21 июня перебросить туда вооружение. А в полночь немцы начали обстреливать нашу территорию, вероятно пристреливая свое оружие. Мы же, по тревоге выдвинувшиеся к границе, имели строгий приказ: «На провокации не отвечать!»

В 3 часа 30 минут, когда только-только забрезжил рассвет, немцы одновременно накрыли все наши воинские части ураганным артиллерийским и минометным огнем. В воздухе появилось множество немецких самолетов. И немецкие танки, а за ними пехота начали переправляться на нашу территорию. Все пограничники, оставшиеся в живых после внезапного огневого налета, вступили в смертельную схватку с врагом.

В первые минуты боя нам удалось подбить два немецких танка и задержать продвижение противника. Но силы были слишком не равны. Отступая, мы заняли оборону в дотах. Продвижение врага застопорилось, его авиация приступила к усиленной обработке укрепрайона. А потом, как саранча, немцы вновь пошли в атаку. Перепрыгивая через своих убитых, они прорвались к дотам, окружили их и через бойницы стали забрасывать нас гранатами и выжигать струями огнеметов.

Бой длился целый день, а к вечеру немцы обошли наши укрепления с флангов и продвинулись в глубь советской территории. Мы оказались у них в тылу. Наступила тишина. Лишь шумело в ушах от грохота прошедшего боя. Трудно было дышать от сплошного дыма. Хотелось пить, есть, а вода и продукты отсутствовали. Заканчивались и боеприпасы, но мы держались.

С утра 23 июня немцы вновь возобновили обстрел укреплений. Но к 12 часам, вероятно посчитав, что в дотах в живых никого не осталось, прекратили огонь. В 5 часов вечера мы вышли из укрытий. В живых нас осталось 17 человек из более 100 бойцов укрепрайона. И после небольшого совещания, решив пробиваться к своим, двинулись по проселочным дорогам в сторону Белостока.

Вечером 24 июня вышли к переправе через речку, где скопились тысячи полторы красноармейцев и командиров, несколько танков, артиллерия и автомашины. На душе стало веселее. Теперь нас много. Но почему так медленно движется переправа? Нам объяснили, что на мосту стоят четыре офицера в форме НКВД, технику не пропускают из-за боязни обрушения моста, а людей тщательно проверяют. Мы сразу же догадались, что это немцы. Наш командир выделил для разоружения новоявленных «энкэвэдэшников» восемь крепких бойцов, в число которых попал и я. «Если выяснится, что это не немцы, принесем извинения», – пояснил командир. Но мы не ошиблись. При разоружении один из немцев успел подать сигнал, выпустив красную ракету. Оказывается, за лесом стояла их артиллерия, и она тут же обрушила огонь своих батарей по скопившимся у переправы войскам. Это было ужасно. Спасти тогда удалось немногим. А оставшиеся в живых

навсегда запомнили уроки самых первых дней войны и начали счет времени на пути к победе.»

Так вспоминал о войне Григорий Дмитриевич Ярош. Вернувшись с фронта инвалидом, он окончил педагогический институт и преподавал историю в средней школе. Затем возглавлял горно на Украине в городе Ворошиловске. В эпоху горбачево-ельцинского предательства оставался самим собой. Организовал издание газеты «Коммунист Алчевска». В своих статьях, выступлениях, беседах утверждал неоспоримую истину о том, что украинцы, белорусы и русские – это один народ, и только в единстве они могут сохранить политическую, экономическую независимость и свою православную культуру. В памяти друзей, товарищей и многочисленных учеников он остался как истинный патриот, гражданин, верный сын своего народа.

На грозную битву вставайте

(Из коллекции песен наших отцов и дедов,

из кинофильма «В шесть часов вечера после войны»)

Слова В.М. Гусева

Музыка Т.Н. Хренникова

На грозную битву вставайте,

Защитники русской земли.

Вставайте, вставайте, пощады не знайте

На вашем суровом пути.

В жестоких боях защищайте

Столицу родную свою.

Прощайте, прощайте, пощадите почаше,

Желаем удачи в бою.

Тревогою ныне объята

Любимая наша страна.

Шагают отряды, уходят солдаты,

И нам расставаться пора.

На картах о нас погадайте,

Бубновый король это я.

Прощайте, прощайте, пошли в бой девчата

и нам, друг, с тобою пора.

И мы уезжаем далече,

Не знаем, увидимся ль мы.

До встречи, до встречи, до полной победы,

До вечера после войны.

Содержание

Это нашей истории строки.....	3
Держать порох сухим.....	4
Максимов.....	4
Путь к победе.....	6
Ветеран войны.....	7
Из училища в гвардию.....	10
Воспоминание сталинградца.....	11
Воспоминание североморца.....	13
Породнившись с небом.....	15
На маньчжурской границе.....	19
Служу России.....	19
Перекресток.....	21
Огненные версты Родякина.....	23
Ветеран гвардии.....	24
Да, Дедушка, ты прав.....	26
Раны фронтовика.....	28
Под новый 1944 год.....	29
Шоферы.....	31
Солдатские мемуары.....	32
За Родину, за Сталина.....	35
Память о походе в Маньчжурию.....	37
Мы еще повоюем.....	38
Рассказ гвардейца.....	39
Остров безымянный.....	43
С песней по жизни.....	45
За оборону Сталинграда.....	47
Рассказ сержанта Шинелева.....	49
Из рода мастеровых.....	50
Боевое крещение.....	53
Наперекор судьбе.....	54
Первые дни.....	55
На грозную битву вставайте.....	57
Содержание.....	58

Попов Лев Алексеевич
БОЙЦЫ ВСПОМИНАЮТ
 Серия 3. Пехотинцы от М до Я.

